

БАХЧИСАРАЙСКИЙ МАЖОР

— Всё опять включено —

Отель
Морское
чудо

Лариса Лазарова

Лариса Лазарова

Бахчисарайский мажор.

Опять все включено

<https://litres.ru/74110024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обвинение и страшное отторжение всех, кого любил. Крым. Разница в десять лет. Один ребёнок. Один бывший муж, который платит, чтобы она исчезла. Один отец, который платит, чтобы сын научился быть мудаком.

Это история не о любви. Это история о том, что взросление наступает не по паспорту. Что мажор может оказаться человеком. Что учительница музыки может сыграть Шопена так, что заплачет даже призрак.

Финал открыт. Никто не говорит «я тебя люблю». Вместо этого зажигается иллюминация, включается фонтан, и первый турист спрашивает: «Я не ошибся?»

Ошибся. Не ошибся. Три метра. И все о любви. Решайте сами.

Содержание

Глава 1. СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР ПЕРЕМЕН	4
Глава 2. РОДИТЬСЯ ВТОРОЙ РАЗ	12
Глава 3. СУХОЙ ФОНТАН	21
Глава 4. И ДРУГИЕ ЧУДЕСА	34
Глава 5. ЗАМ ПО ОБЩИМ ВОПРОСАМ	46
Глава 6. ПЕРВАЯ НОЧЬ НА КРЫШЕ	59
Глава 7. НЕСУЩАЯ СТЕНА	68
Глава 8. ПАПОЧКА НА СВЯЗИ	79
Глава 9. БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ АД ОТ ДАШИ	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Лариса Лазарова

Бахчисарайский мажор.

Опять все включено

Глава 1. СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

В Ноябрьске темнело даже в полдень. Алла привыкла жить при свете лампы. Зато это было единственное, что она могла контролировать. Лампу можно было включить, когда хотелось. И выключить, когда надоедало. Свет не зависел от широты, времени года или настроения бывшего мужа.

Она сидела за кухонным столом, глядя на конверт. Обычный бумажный конверт, купленный в канцелярском отделе универсама. Запечатанный небрежно. Так, будто человек, отправлявший письмо, торопился. Сергей всегда торопился. Вот только, если дело касалось её, он находил время быть аккуратным. До определенного момента.

Алла не вскрывала конверт уже сорок минут. Она знала, что внутри. Деньги. Отступные. Плата за то, чтобы она ис-

чезла из его жизни. Бесследно. Как исчезает пар над чашкой, если оставить её в холодной комнате. Он сказал прямо: «Уезжай. Не позорь меня. Начни новую жизнь, где тебя никто не знает».

Она не плакала. Просто сидела и смотрела на конверт. Чувствуя, как от него исходит странное тепло. Может быть, от батареи, которая находилась слишком близко. Или от того, что внутри лежала не просто сумма, а остаток их общего прошлого. Так скоро превратившийся в деньги.

Рядом с конвертом валялся телефон. Экран погас, но Алла знала. Если нажать на кнопку, она снова увидит их. Фотографии. Те самые. Она держала руку на плече ученика. Обычный жест, объясняющий, как правильно ставить пальцы на клавиши. Он улыбался. Семнадцатилетний мальчик, который учился играть, потому что мама хотела. Ей тогда показалось, что его улыбка просто благодарность за занятие. Теперь она знала. Так улыбаются люди, у которых есть тайна.

Сначала она не поняла. Увидела фото в ленте, удивилась: «Откуда это?» Подумала, что кто-то из родителей просто сфотографировал и выложил в школьную группу. Потом прочитала комментарии. Первый: «А не слишком ли близко она к нему стоит?» Второй: «У меня давно были подозрения». Третий: «А вы видели, как она на него смотрит? Я всегда знала, что она странная».

Она хотела ответить. Написать: «Это просто урок! Он ученик, мне тридцать восемь, что вы такое говорите?» Но пальцы застыли над экраном. Потому что она вдруг вспомнила, как месяц назад он задержался после занятия, чтобы спросить про экзамен. Как она положила ему руку на плечо, показывая аккорд. Он улыбнулся. Она не видела в этом ничего плохого. Но теперь, глядя на фотографию, она смотрела на неё глазами других людей. И вдруг подумала: «А может быть, они правы?»

Этот вопрос убивал её больше всего. Не ложь, не предательство, не деньги. А то, что она сама перестала верить себе. Самое смешное теперь, это ее рациональность. Всегда- семья на первом месте. Она только увидела снимок, самый первый, сразу поняла. Надо спасать семью. Да, все разберутся. Обязательно. Потом. А сейчас, просто нужно спасать дочь. И мужа. Поэтому она пробилась через ряд секретарей и помощников. И крикнула ему, что надо спасать дочь. Просто. Бегите. А она останется. Пусть, суды разбирательства. Главное, чтобы вас не задело. Суд разберется. Потом. Она даже не подумала сказать: это не я. Потому, что была уверена. У нее такой тыл, что никто и не усомнится. В ее невиновности и правоте. А оказывается, и не надо было. Сомневаться.

Вдруг услышала. Развод. И, что надо было бы по-осторожнее. И да, как ты могла. Что, повзрослее не нашлось. А потом первое интервью ученика с местным блогером. Все очень

мягко. Ответы лояльные: «Никогда ничего не расскажу о нашей любви». «Она моя первая женщина. Я, люблю ее, и не предам». А потом, вишенка на торте:

«Я вел дневник о наших сомнениях. Буду издавать!»

Из соседней комнаты доносился голос Мары. Громкий, нарочито спокойный. Но стальной внутри.

— Нет. Ты мне больше не папа, — разъясняла Мара. — Ты можешь звонить, сколько хочешь, но я не буду с тобой разговаривать. И не надо присылать подарки. Отправь их своей новой жене. Хотя она, наверное, уже получила всё, что хотела.

Ещё пауза, более долгая.

— Нет, не передам. Сам скажи, если тебе так надо. Но не при мне. Я с ней не разговариваю.

И уже почти криком:

— Ты подставил мать. Я всё знаю! Я видела, как ты разговаривал с ним! Ты думал, я не заметила? Ему заплатили, и ты знаешь это! Тебе плевать! Тебе нужен был повод, чтобы свалить!

Телефон грохнулся о тумбочку. Мара всегда бросала трубку с максимальной силой. Потом — тишина. И звук открываемого рюкзака. Шуршание ткани. Алла знала — дочь собирается. Как она и сказала вчера: «Я еду с тобой. Отца

знать не хочу».

Алла не стала спорить. Не потому что не могла. Могла бы, наверное, настоять, чтобы дочь осталась в Ноябрьске. Закончила школу, не ломала жизнь. Но что такое «не ломать»? Остаться в городе, где каждый день будешь слышать от одноклассников: «А твой отец с новой женой уехал в Москву, да? Видели на Новый год в аэропорту, она такая лакшири». Или: «Мама у тебя в Крыму, да? Как там? Ты теперь будешь к ней, летом?». Или просто сочувствующие взгляды. От которых хочется провалиться сквозь вечную мерзлоту на глубину, где никто не найдёт.

Нет. Пусть едет. Вместе. Они всегда были вместе, даже когда Сергей был рядом — формально, физически, — они всё равно были вдвоём. Мать и дочь. Команда, где одна играет на устаревшем пианино, а вторая молчит в углу. Так громко, что слышно за стенкой.

Алла взяла конверт. Разорвала край ногтем. Аккуратно, по линии, почти беззвучно. Внутри лежала плотная бумага. Не банкноты, как она ожидала. Банковская выписка. Перевод. Она посмотрела на сумму и замерла.

Этого хватало на маленький домик в пригороде. Или на старый отель в Бахчисарае. Алла не знала, откуда Сергей узнал про отель. Может быть, его новая жена, которая люби-

ла Крым, упомянула в разговоре. А может быть, он сам где-то увидел объявление и подумал: «Отдам ей это, отвяжется». Сумма была ровно такая, чтобы купить ту развалюху. Которую она нашла на прошлой неделе в интернете. И привести в порядок. Немного, без фанатизма.

Она открыла старый ноутбук. Тот самый, который работал на Windows 7 и грелся так, что колени обжигало. В закладках висела страница с объявлением. «Отель "Морское чудо". Крым, Бахчисарай. Коммерческая недвижимость. 12 номеров. Срочная продажа. Цена договорная». И фотография. Красивая. Снятая, наверное, лет двадцать назад, когда отель был новым. Белое двухэтажное здание, синяя табличка, пальмы. Дорожка к входу, где горят фонари. И за отелем — бирюзовая полоска. Море.

Алла приблизила картинку, хотя знала — она уже запомнила каждый пиксель. Она видела это море. Которого никогда не видела в жизни. Только на картинках, фильмах, чужих фотографиях. Оно было там. На заднем плане, нежное, спокойное. Крым же. Там всегда есть море.

«Бахчисарай», — прошептала она вслух. Слово звучало как музыка. Бах-чи-са-рай. Ханский дворец, фонтаны, горы. И море. Она никогда там не была. Она вообще редко выезжала из Ноябрьска. Два раза в Москву на курсы повышения квалификации, один раз в Сочи на конкурс учеников — и

всё. Север стал её клеткой. Невидимой, но прочной. А теперь эта клетка открылась.

Но Сергей не просто дал деньги. Он поставил условие. «Уехать и не позорить его новую жизнь». Он сказал это в их последний разговор. Она позвонила ему, когда подала на развод. Прислал доверенность. «Алла, — сказал он тогда, — я не хочу, чтобы ты маячила рядом. Ты умная женщина, понимаешь. Возьми деньги, купи что-нибудь, уезжай. Это лучшее, что я могу тебе предложить».

Она молчала. Что можно было ответить человеку, который прожил с тобой столько лет, вырастил дочь и теперь говорит тебе «не маячь»? Что ты боишься одиночества больше, чем бедности? Что ты согласна?

— Спасибо, — ответила она тогда. И положила трубку.

Теперь она сидела и смотрела на экран. Сумма на выписке, которая лежала перед ней, была больше, чем она зарабатывала за десять лет преподавания. Уроки фортепиано для детей. Частные занятия, когда родители приносили деньги в конвертах и говорили: «Алла Артуровна, может, вы задержитесь на часок? У нас такой непослушный ребёнок». Деньги капали по капле. Как из того крана на кухне, который она никак не могла починить.

А здесь — сразу крупная сумма. И отель. И море. И новая

ЖИЗНЬ.

Глава 2. РОДИТЬСЯ ВТОРОЙ РАЗ

В этот момент в комнату вошла Мара. Она была в старой футболке, растянутых джинсах. Волосы собраны в небрежный хвост. Глаза красные. Плакала, но сделала вид, что просто тёрла их.

— Ты купила отель? — хрипло спросила она, даже не поздоровавшись.

— Я ещё не решила, — проямлила Алла. Уже решила. Ещё когда увидела сумму. Которой хватало на покупку неходовой недвижимости и на скромное восстановление. Лучшее, что могло случиться. В сложившихся обстоятельствах.

— Ты решила, — отрезала Мара так, будто читала мысли. — Я тебя знаю. Что там за отель?

— «Морское чудо». В Бахчисарае.

Мара подошла и встала за спиной матери, обдав её запахом дешёвого шампуня и подростковой решительности.

— Морское чудо? — она хмыкнула. — Название правильное. Там есть море?

Алла замаялась. Она хотела сказать «да». Потому что на фотографии было море. Потому что Крым — это море. Она не могла позволить себе сомневаться.

— На фотографии есть, — уверенно ответила она. —

Крым же.

Мара вгляделась в экран.

— Да, вижу. Бирюзовое такое. Красиво. — Она помолчала. — Мы будем жить у моря, мам. Ты представляешь?

— Представляю, — улыбнулась Алла, хотя на самом деле не представляла. — Ты уверена, что хочешь ехать? Здесь твои друзья, школа... Ты перейдёшь в выпускной класс, а там новая школа, новые люди. Может, лучше подождать?

Мара закатила глаза. Этот жест она скопировала у Аллы. Хотя сама Алла не замечала, что так делает. Глаза у Мары были отцовские. Светлые, почти прозрачные. Отцовской же твёрдости, но с ноткой материнской горечи.

— Нет у меня здесь друзей, — буркнула она. — Были, но они как-то разбежались. Вернее, их родители разбежались. Сказали, что у меня плохая репутация. А школа — что школа? Я и там не была особо. Ты же знаешь.

Теперь Мара стояла с рюкзаком и смотрела на мать. Точно видела её в первый раз.

— Ты плакала? — спросила она.

— Нет, — честно ответила Алла.

— Врёшь. Глаза красные.

— Я устала. Немного.

Мара не стала спорить. Она просто подошла и села рядом. На соседний стул, положила голову на плечо матери.

Алла почувствовала, как дочь дрожит. От холода или эмоций, она не знала. Но не шевельнулась. Просто сидела, позволяя этому маленькому упрямому человеку быть слабым хотя бы несколько секунд.

— Мы справимся, — прохныкала Мара в плечо. — Я знаю. Мы всегда справлялись.

Алла погладила её по голове, пропуская сквозь пальцы тонкие, выгоревшие на севере волосы. Мара не любила, когда её гладили. Но сейчас позволяла.

— Отец звонил? — осторожно спросила Алла.

— Да.

— Что сказал?

— Что я дура. Сказал, что ты его обманывала, врала и вообще. А, еще ты не умеешь жить. Сказал, что я должна остаться с ним. Он купит квартиру в Москве, если я его послушаюсь. Для меня. Жить и спокойно получать образование.

— И что?

— Ответила, что у меня есть мать. Иногда, этого достаточно. — Мара подняла голову и посмотрела в глаза матери. — Ты же не бросишь меня? Если что?

— Никогда, — поклялась Алла. И это была чистая правда.

Они сидели так несколько минут. Ноябрь за окном медленно затягивал стекло изморозью. Мороз крепчал, как всегда перед оттепелью. В городе давно кончился день, хотя на

часах было только пять вечера. Фонари горели жёлтым, тёплым светом. Их отражение дрожали на снегу, как свечи в церкви.

Алла вспомнила, как впервые приехала в Ноябрьск. Много лет назад, молодой специалист. Выпускница консерватории, которая не нашла места в Москве и подписала контракт с музыкальной школой на севере. «Зарплата высокая, северные надбавки, через пять лет квартиру дадут», — убеждал её тогдашний ректор. Она не верила, но поехала. Потому что в Москве её не ждали, а здесь — ждали. Или казалось, что ждут.

Сергей появился через год. Молодой, амбициозный, из тех, кто «строит карьеру». Он пришёл к ней в музыкальную школу. Его соседка привела сына учиться, на фортепиано. Сергей задержался после урока. Сказал, что она красивая. Алла, не соседка. И хочет познакомиться. Он приехал из Симферополя. Здесь, на севере, «настоящие деньги и настоящие люди».

Она влюбилась. Конечно. Он был смешной, этот Сергей, когда пытался заинтересовать её разговорами о работе и перспективах. Не понимал музыку, но делал вид, что понимает. А она делала вид, что ей интересны его «проекты» и «контракты». Они поженились через полгода. Всё было хорошо. Ровно до того момента, пока он не стал зарабатывать больше. Обычного.

Теперь она сидела в этой же кухне, но одна. Сергей ушёл. И не просто ушёл. Красиво. К молодой жене и «новой жизни». Оставил только память и конверт с деньгами.

Мара отстранилась первой. Она никогда не любила долгих объятий. Уязвимо.

— Мы будем жить в отеле? — спросила она, возвращаясь к практичным вещам. — Как там? Номера, кухня? Или там всё заросло бурьяном?

— Не знаю. На фотографии красиво.

— Фотография — это фотография, — фыркнула Мара с мудростью, которой не должно было быть у шестнадцатилетней. — Мы же знаем, как бывает. Ты помнишь ту квартиру, на Восточной. Где нам сказали, что там ремонт, а были тараканы и пахло плесенью?

— Помню. Но у нас нет выбора.

— Выбор есть всегда. Можно остаться здесь. Я пойду работать, как все. Мы снимем маленькую квартиру. Я уйду из школы, буду мыть посуду в кафе...

— Мара, — перебила её Алла. — Мы не будем мыть посуду в кафе. Мы поедем в Крым. Откроем отель. У нас будет своё дело. Это шанс. Мы увидим море.

— Ты не умеешь делать бизнес, — грустно ответила Мара. — Ты умеешь играть на фортепиано и учить. Ты даже кран починить не можешь. Ты — романтическая женщина. Тебя обманет любой дурак, даже...

И резко замолчала. Насупилась.

— Я научусь, правда. Я знаешь какая, ого! — пообещала Алла, сама не поверила себе. Но слова уже были сказаны, и она не могла взять их обратно.

Мара усмехнулась, но не обидно. Она взяла ноутбук с коленей матери и увеличила фотографию отеля.

— Два этажа, — вещала она. — Окна, судя по всему, не меняли лет десять. Крыша шиферная, в нескольких местах заплатки — видишь? Кирпич на фасаде разный. Штукатурка отваливается. Фонтан не работает — там листья, похоже. Это не отель, мамс. Руины.

Алла посмотрела на фотографию другими глазами. Мара была права. Но она не могла признать это сейчас. Не сегодня. Сегодня она нуждалась в надежде больше, чем в правде. Она видела море. Бирюзовое, тёплое, настоящее. И оно было важнее любых заплаток.

— Значит, мы восстановим его, — решительно высказалась она. — Мы всё восстановим. И это будет настоящий отель. Мы будем выходить на крыльцо и видеть море. И кофе пить. Из белых тонких чашек.

Вечер растянулся до бесконечности, как все вечера в Ноябрьске. Где солнце садится на четыре часа и даёт время на всё. Алла встала, подошла к окну, положила ладонь на холодное стекло. Снег всё падал. Крупный, липкий. На той стороне, за домами, виднелся силуэт нефтяной вышки — вечного часового, который не спал никогда.

— Я буду скучать, — шепнула Алла. Тихо, скорее себе, чем дочери.

— Скучать? — переспросила Мара. — По чему? По снегу? Этому городу? Людям, которые предали?

— По прошлому, — отозвалась Алла. — Я здесь была молодая. Влюблённая. У меня были мечты.

— Мечты у тебя остались, — скривилась Мара.

Алла обернулась. Дочь стояла в дверях, с рюкзаком, уже готовая идти.

— Мы уедем завтра, — остановила ее Алла. — Утром. Я позвоню в аэропорт, закажу билеты. Надо вылететь в Симферополь.

— Мы полетим? — удивилась Мара. — Я никогда не летала на самолёте.

— Значит, увидишь облака. А потом — море.

— А как же пианино? — спросила Мара. — Ты бросишь его здесь?

Алла посмотрела в сторону гостиной, где стояло пианино. Чёрное, старое, с пожелтевшими клавишами, которые она помнила на ощупь. Её главная вещь.

— Я заберу его, — ответила она растягивая слова. — Как-нибудь. Позже. Когда у нас будет дом. У моря.

Они ужинали молча. Гречка с котлетами, которые Алла

разогрела на плите. Мара ела без аппетита, ковыряя вилкой. Но не жаловалась. Завтра они покинут эту квартиру, город, жизнь.

Позднее Алла осталась одна. Она подошла к пианино, села на табурет. Старый, шатающийся. Она не решалась выбросить его уже лет десять. Крышка инструмента была закрыта. Она медленно открыла её, провела пальцами по клавишам. Инструмент отозвался тихим, почти неслышным гулом.

Начала играть. Едва касаясь клавиш, чтобы не разбудить соседей. Сонату Бетховена. Семнадцатую. Штормовую. Ту, которую играла, когда верила в любовь и будущее. Теперь она играла её как прощание. Но в каждой ноте, аккорде она слышала другое. Новое. Шум моря. Того, что она никогда не видела, но в которое хотела верить.

В четыре утра они закрыли квартиру. Алла провела рукой по дверному косяку, где было вырезано «Мара + Алла = любовь». Глупая надпись, сделанная ножиком, когда дочери было десять. Сергей смеялся тогда. «Детство», — говорил он. Теперь Алла поняла, что это было не детство.

Спустились вниз, где их ожидало такси до аэропорта. Снег перестал идти. Холод был сухим, колючим, настоящим. Алла села на заднее сиденье, рядом с дочерью. Рюкзак Мары лежал на коленях у Аллы.

Водитель, пожилой мужчина с уставшим лицом, спросил:

— Далеко собрались?

— В Крым, — ответила Мара. — Открывать отель. У моря.

Водитель хмыкнул, покосился в зеркало, но ничего не сказал. Только включил печку и выехал на трассу. Алла смотрела в окно. Город, где она была такой счастливой и несчастной одновременно. Машина неслась в аэропорт, а за окнами медленно вставало северное солнце. Красное, холодное, почти не греющее.

— Мам, — глухо спросила Мара. — Ты боишься?

— Нет, — ответила храбрая Алла. — А ты?

— Я боюсь, — честно призналась дочь. — Но поеду. Хочу увидеть, все это. И море.

Алла взяла её за руку. Теплую, девичью, руку дочери. Ее.

— Мы вместе, — прошелестела она. — Мы справимся.

Самолёт взлетел. Алла смотрела в иллюминатор, как Ноябрьск исчезает под крылом. Белое, холодное, чужое уже. Не жалела.

«Сначала, все заново, — говорила она себе. — Впервые в жизни я увижу море. И славно. И пусть».

Самолёт взлетел. Уши давило немного. Мара взяла леденец. Алла пыталась отвернуться от света из иллюминатора. Слишком светло и чисто.

Говорят, при втором рождении не положено.

Придется быть скромнее. Еще.

Глава 3. СУХОЙ ФОНТАН

Таксист оказался молчаливым, но незлым. Он выслушал, куда они едут, кивнул, назвал цену — и больше не проронил ни слова до самого Бахчисарая. Алла сидела на заднем сиденье, сжимала в руках сумку. Смотрела в окно. Пейзаж менялся постепенно. Сначала снег, потом грязь, следом зелень, затем камни. Горы возникли внезапно. Выросли из ниоткуда. Серые, коричневые, с редкими пятнами деревьев. Алла никогда не видела гор так близко. В Ноябрьске были только холмы, занесённые снегом. Она думала, что это и есть горы. Теперь она поняла, как ошибалась.

— Мам, смотри, — выкрикнула Мара, прижимаясь лицом к стеклу. — Там что-то похожее на дворец.

Алла посмотрела в указанную сторону. За деревьями мелькнул минарет, потом ещё один. Город начинался неожиданно. Никаких пригородов и новостроек. Резкий переход от пустоты к домам, сбившимся в кучу.

— Бахчисарай, — объявил таксист и сбросил скорость. — Дальше сами. Улицы узкие, не развернуться.

Алла заплатила, вышла из машины и замерла.

Город был неестественно тихим для места, которое считалось туристическим. Никакой суеты, криков торговцев, машин. Только редкие прохожие, несколько кошек на заборе

и запах. Запах выпечки, пыли и чего-то сладкого, похожего на мёд.

Узкие улочки были вымощены камнем. Который местами проваливался, образуя ямы, заполненные водой. Дома стояли вплотную друг к другу, с облупившейся краской, навесами из тёмного дерева. Где-то играла музыка — непонятно откуда, из самой земли. И петухи. Орали так, точно никогда не видели приезжих. И хотели разобраться в происходящем.

— Это Бахчисарай? — спросила Мара. Голос дрогнул, но она быстро взяла себя в руки.

— Да, — растерянно ответила Алла. — Отель где-то здесь. Я записала адрес. Надо спросить у местных.

Она огляделась. Прямо перед ними висела вывеска с указующей стрелкой: «Ханский дворец, 200 м». Значит, они на правильной улице. Алла достала телефон, открыла сохранённое объявление. Адрес совпадал. Оставалось пройти метров сто по этой же улице.

Они пошли по тротуару, который местами превращался в грунтовку. Мара тащила свой рюкзак и сумку с продуктами. Алла — единственный чемодан, в котором были документы, смена белья и несколько нотных тетрадей. Остальное они решили оставить в Ноябрьске, на потом.

— Смотри, — указала Мара на здание справа. — Какой-то старый дом. Там табличка, на арабском.

— Это не дом, мечеть, — подсказала Алла. — А вон там минарет.

— Красиво, — согласилась Мара, но без особого интереса. Её взгляд был устремлён вперёд. Туда, где за поворотом должно было открыться «Морское чудо».

Алла тоже смотрела вперёд. Видела не отель, а свои страхи. Что, если она ошиблась? Что, если там пустырь? Вдруг, денег не хватит даже на первое время. И они останутся в незнакомом городе без жилья и работы? Что, если...

— Мам, — позвала Мара. — Я вижу вывеску.

Алла подняла голову. Да, вывеска была. Синяя, с белыми буквами, которая обещала «Морское чудо». Только буква «М» отвалилась, и теперь надпись гласила «ОРСКОЕ ЧУДО».

Они подошли ближе.

Отель стоял перед ними. Здание с фотографии.

Только вот та фотография была старая. Очень. Штукатурка облезла, кое-где виднелись красные кирпичные заплатки. Окна пыльные, с разбитыми стёклами в двух местах. Заклеены скотчем. Крыша шиферная. В нескольких местах провололочные заплатки. Сейчас проволока проржавела и торчала в разные стороны. Фасад казался больным, старым, забытым. Как одинокий человек, который долго не мылся и не выходил из дома.

— Мам, — испугано пробормотала Мара. Голос стал еще тише, глаза она вытаращила. — Мама, это не отель. Это заброшка.

— Я вижу, — ответила Алла. По-прежнему высоко держа-

ла голову и не отрываясь смотрела на свою условную недвижимость.

— Да? — переспросила Мара. — А ты видишь, что здесь нет моря? И мы отдали деньги, за это?

— Не отдали, — мотнула Алла головой. — Я ещё не подписала окончательный договор. Только перевела задаток. Но Сергей отправил сумму на счёт, и я...

— И ты, что? — Мара повернулась к ней. Алла увидела в её глазах не гнев, а страх. — Ты хотела сказать, мы влипли?

— Я хотела сказать, что мы посмотрим. Войдём внутрь. Может быть, там не всё так плохо.

Мара хмыкнула, но ничего не ответила. Подошли к входной двери. Деревянной, тяжёлой, с облупившейся краской — и толкнули её. Дверь поддалась с протяжным скрипом. Жаловалась на жизнь.

Внутри было темно. Алла сделала шаг, нащупала выключатель. Свет зажёгся. Одна лампа на весь коридор. Тусклая, почти бесполезная. Запах сырости, пыли и старого дерева ударил в нос так сильно, что Алла закашлялась.

— Господи, — простонала она. — Что это?

— Наш новый дом, — констатировала Мара с горькой усмешкой. — Добро пожаловать в «Кринжовое чудо».

Они пошли по коридору. Пол скрипел, как старушечьи суставы. Стены были оклеены обоями, которые местами отходили. А частично были покрыты пятнами плесени. На полу — линолеум, потёртый до дыр. В которые можно было про-

валиться ногой.

— Номера, — зачаровано проговорила Мара, заглядывая в первую дверь. — Мам. Иди сюда.

Алла подошла. Комната была небольшая. С окном, выходящим во двор. Там стояла кровать — металлическая, с железной спинкой, матрас буграми. Столик, стул, тумбочка. И туалет.

Алла замерла.

Унитаз был синим. Ярко-синим, как небо на детских рисунках. Советский, фаянсовый, с надписью «Сделано в СССР» на ободке. На нём не было крышки, а внутри виднелись остатки чего-то, чего лучше не видеть. И не думать.

— Тут унитаз синий. — в голосе Мары пробивалась истерика. — Как аватар.

Алла закрыла глаза. Она чувствовала, как что-то поднимается внутри. Все было так нелепо, глупо, и безнадёжно, что хотелось плакать и смеяться одновременно.

— Я знаю, — подтвердила она. — Вижу.

— Фекалийный апокалипсис, — поморщилась Мара, — Синие унитазы. Нет воды. Тут крыша, наверное, течёт. Тут...

Она замолчала, от того Алла рассмеялась. Сначала тихо, потом громче. Мара посмотрела на неё с ужасом.

— Ты в порядке?

— Нет, — ответила Алла, вытирая глаза. — Не в порядке. Я купила отель с синими унитазами. В Крыму. Без моря. Заброшку. Если не смеяться — я умру. И все.

Мара посмотрела на неё несколько секунд, потом тоже начала смеяться. Сначала неуверенно, потом всё громче. Они стояли в тёмном коридоре, у двери в номер с синим унитазом, и смеялись. До слёз, колик. До того, что не могли дышать.

— Мы прощелкали море, на полуострове! — воскликнула Мара, когда дыхание немного восстановилось. — Мы точно сумасшедшие.

— Возможно, — растирая по лицу остатки косметики, подтвердила Алла. — Но мы здесь. И надо что-то делать.

Они вышли во двор. Двор был заросшим и замусоренным. Травой, кустами шиповника, крапивой. Бетонная дорожка растрескалась, кое-где сквозь неё пробивались сорняки. В центре — клумба, на которой ничего не росло, кроме мяты. Маленькая, наглая мята, которая чувствовала себя здесь великолепно.

Алла обошла здание сбоку. Там был фонтан. Сухой. Внутри — прошлогодние листья, окурки и один потерянный носок.

Она посмотрела на табличку. «Морское чудо». Без буквы «М». И рядом — указатель на Ханский дворец. Моря не было. Совсем. Только горы. Нет, оно было где-то там. Но не здесь.

Алла повернулась вокруг себя. Горы. Дома. Заборы. Деревья. Никакого моря.

— Мы будем жить здесь, — решила Алла. — Отремон-

тируем, что сможем. Остальное — по ходу пьесы. Мы справимся.

— Ты не умеешь делать бизнес, — повторилась Мара. Теперь это звучало почти как поддержка. — Помнишь, как ты пыталась починить кран на кухне и залила соседей?

— Помню. Но я научусь. Не боги горшки обжигали.

— Кто тебя научит? Тут нет никого. Только синие унитазы.

В этот момент со стороны соседнего забора раздался голос:

— Эй, вы новые хозяева?

Алла и Мара обернулись. За забором стоял мужчина. Лет пятидесяти, с густыми усами, в рабочем комбинезоне и сандалях на босу ногу. В одной руке он держал гаечный ключ, в другой — сигарету. Смотрел с любопытством, как смотрят на новеньких животных старожилы зоопарка.

— Здравствуйте, — поздоровалась Алла, пытаясь придать голосу уверенности. — Да, мы новые хозяева.

— А я -- Зураб, — представился мужчина, перелезая через забор. Без грации, но с лёгкостью, которую не ожидаешь от человека его комплекции.

— Сантехник. Слышал, отель продали. Светлана Павловна сказала. Она всегда всё знает. Соседка, из того дома, — он махнул рукой в сторону. — У неё собака. Лает. Она слышала, как вы заходили.

— Мы ещё даже не зашли, — вымученно улыбнулась Ма-

ра.

Зураб подошёл к фонтану, заглянул внутрь.

— Фонтан, — авторитетно сообщил он. — Не работает. Но можно починить. Трубы старые, но живые. Я смотрел. Месяц назад вода была. А потом забилося. Надо чистить. Значит, работа есть. Здесь хорошо! Только мало работы. А надо кормить детей. Ведь надо, ты же понимаешь?

— Понимаю, — пропищала Алла, сраженная таким напором. — Только мы не знаем, как! Все тут!

— Я знаю, — решительно отверг сомнения Зураб. — Я местный. Я всё знаю. Завтра приду, гляну. А сегодня вечером можете приходить ко мне, пить чай. Жена печёт пирожки. С орехами.

Он посмотрел на Мару, улыбнулся.

— Девчушка, ты кто? Дочь?

— Ага, — прогундосила дочь. — Мара.

— Мара, — повторил Зураб, пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Как у царицы. Ты, наверное, сильно удивилась, когда увидела унитаза?

— Я офигела, — честно ответила Мара. — И поплыла.

Зураб засмеялся. Смех у него был громкий, раскатистый, похожий на звук мотора.

— Нормально, — отсмеявшись выдал он. — Смелая. Хорошо. В Бахчисарае без этого нельзя. Здесь все знают всё про всех. Будешь скрывать, что офигела, тебя съедят.

— Не будем скрывать, — Алла была уже решительно на-

строена. — Собираемся восстанавливать.

— Восстанавливать! — мечтательно произнес Зураб и запустил пятерню в свою гриву спутанных волос, осознавая масштабы свалившегося на него везения. — Хорошо. Но сначала надо понять, что! Я завтра приду. Покажу. А сегодня — идите в дом. Там внутри, в фойе, есть кое-что...

Он замялся, подбирая слова.

— Для души. Увидите.

Взял гаечный ключ и ушёл так же внезапно, как появился. Перевалился через забор и исчез. Алла проводила его взглядом и повернулась к дочери.

— Что он имел в виду? Для души?

— Не знаю, — фыркнула Мара. — Может, они там курят. Диван, телик. Бухло.

— Мара!

— Ой, да ладно тебе. Чего? Он местный! Не пианино же там стоит. Это все-таки не Петродворец. А Типичная заброшка. Где явно кучковалась местная шпана.

Они вернулись в здание. Коридор был все таким же тёмным, пыльным и сырым. Но Алла заметила дверь, которую пропустила в первый раз. С надписью «Фойе».

— Фойе?! — воскликнула Мара, схватившись за голову. — А это что за беда?!

Она толкнула её.

Фойе оказалось большим. Высокий потолок, широкие ок-

на. Свет пробивался сквозь грязные стёкла. В центре — чёрное пианино. Старое, пыльное, с пожелтевшими клавишами. На пюпитре лежали ноты. Пожелтевшие, с неясной надписью карандашом: «05.04.1987 г. Людмила К. Свадьба. 18.00». Слой пыли был толстым — видимо, инструмент не трогали десятилетиями.

Алла остановилась. Ей пришлось просто немного подышать. Размеренно. Чтобы прошли цветные круги перед глазами. Потом она подошла ближе. Провела пальцем по крышке. Клавиши были почти чистыми. Кто-то, видимо, протирал их. Время от времени. Она резко опустила палец на белую клавишу. Ну, на желтую, почти.

Звук был глухим, но чистым. Живым.

— Мам, — попросила опасливо Мара. — Не надо.

— Да, — рассеяно ответила Алла. — Оно работает. Мне так кажется.

Смахнула вековую пыль, села на табурет. Шаткий, но прочный. Вознесла пальцы над клавишами. На миг застыла. Потом медленно, осторожно она сыграла первые такты сонаты Бетховена. Пианино отзывалось. С хрипотцой, как человек, который давно не разговаривал. Но без провалов и страшных глубоких дребезжащих звуков, которых боятся все музыканты. Черный древний зверь не был тяжело ранен или смертельно болен. Он долго спал, погружаясь в пылевой саван. А теперь просыпался под чьими-то отчаянными пальцами.

Мара стояла позади. Алла остановилась.

— Мы купили все здесь, — твердо сказала она. — Это -- наше. Мы его оставим.

— Мы оставим всё, — жестко подтвердила Мара. Опять эти отцовские нотки. — Даже синие унитазы.

Алла улыбнулась. Впервые за сегодняшний день.

Вечером они сидели на крыльце. Перед ними — старые бутерброды с колбасой, которые они привезли еще из Ноябрьска. Кола из багажа. За спиной — отель, пахнущий сыростью. И немного надеждой. Перед ними — двор, сухой фонтан, закат над горами. Города уже почти не было видно. Чуть проглядывали силуэты домов и минареты, чернеющие на фоне розового неба.

— Мам, — капризно спросила Мара. — А где море?

Алла посмотрела на неё. Мара сидела, обхватив колени руками, и смотрела вдаль. Ей было шестнадцать. Она никогда не видела моря. А теперь она оказалась в там, где море есть. Но оно за горами, далеко. И его не видно.

— Философский вопрос, дочь, — вздохнула Алла и попыталась ее обнять. И прикрыть частью своей кофты.

— Что значит, философский? Мы в Крыму, где есть море. Где оно?

— За горами, — ответила Алла. — Я спросила у Зураба. Сказал, что до моря двадцать километров. На машине.

— Так мы не на машине.

— Мы возьмём машину. Или поедem на автобусе. Мы най-

дём. Мы всё найдём.

Мара не ответила. Она продолжала смотреть вдаль, где небо постепенно темнело, превращаясь из розового в тёмно-синее. Где-то там, за горами, было море. Она не видела его, но знала — оно существует.

— Мы поедem завтра, — решила она. — Ты и я. Найдём море. Искупаемся. В ноябре.

— Договорились, — согласилась Алла.

Они замолчали. Солнце здесь заходило быстро. Раз—и темнота вокруг. Тишина была другой. И все равно было тепло. Пахло травой и нагретой землёй. Звенели цикады. Алла впервые слышала их так близко. Кричала далекая ночная птица.

— Мам, — спросила Мара. — Ты жалеешь?

— О чём?

— О том, что уехала.

Алла подумала. Нет, она не жалела. Она боялась, но не жалела. Это было единственное, что она могла сказать с уверенностью.

— Нет, — ответила она. — Я не жалею. А ты?

— Я тоже. Хотя синие унитазы — это жeсть.

Алла усмехнулась.

— Мы справимся, — утвердительно кивнула она. — Всегда справлялись.

— Да, — соглашалась Мара. — Изи.

Уснули вместе, обнявшись.

Алле приснился сон.

Она стояла в фойе, в темноте. Где-то за стеной скрипели половицы. За окном пели цикады. Алла коснулась пальцами пианино, провела полосу в пыли.

— Мы справимся, — произнесла она тихо.

В углу, там, где особенно сгущалась тьма, кто-то вздохнул. И шагнул к ней. Неясный, темный.

— Не бойся, — прошептал, — Все получится.

И она поверила в это.

Глава 4. И ДРУГИЕ ЧУДЕСА

Алла проснулась от того, что в лицо светило солнце. Она не сразу поняла, где находится. Сначала подумала — дома, в Ноябрьске. И это просто утро. Потом услышала петуха — громкого, наглого. Который орал так, будто его резали. И вспомнила.

Она лежала на голом матрасе, укрывшись курткой. Рядом Мара. Дочь сжалась в комок, подложив рюкзак под голову. Дышала ровно, глубоко. Алла посмотрела на неё и в который раз поразилась тому, что её ребёнок — такой взрослый. На Севере дети перерастают быстро, но Мара выросла быстрее всех. Она не плакала, не жаловалась, не просилась обратно. Просто встала и пошла.

Алла осторожно поднялась, стараясь не разбудить дочь. Окно в номере было пыльным, но через него пробивался свет. Она подошла, провела пальцем по стеклу. Двор — заросший, дикий, с сухим фонтаном в центре. За забором — соседский дом, из трубы которого шёл дым. Петух сидел на заборе и смотрел на неё с явным превосходством.

— Доброе утро, — поздоровалась Алла с петухом.

Петух не ответил. Он просто сделал ещё один вираж по забору и ушёл, распушив хвост.

Алла нащупала в сумке блокнот и ручку. Она села на пол,

прислонившись спиной к стене, и начала писать. Сначала просто слова: «крыша», «трубы», «электричество», «унитазы». Потом цифры. Она попыталась вспомнить, сколько стоили материалы. В том объявлении, которое она видела на строительном сайте. Это было слишком много, но она не была уверена. Она вообще не была уверена ни в чём. Кроме пианино.

Мара проснулась, когда Алла уже исписала полстраницы. Зачёркиваниями и новыми цифрами.

— Ты чего? — недовольно спросила Мара, приподнимаясь на локте.

— Составляю смету.

— Смету? — Мара села, потянулась. — Ты знаешь, как составлять смету?

— Нет. Но я могу прикинуть.

— Прикинь, — согласилась Мара, вставая и разминая шею. — Потом я пойду на рынок и принесу настоящие цены. Мама, у тебя есть деньги на завтрак?

Алла порылась в сумке, достала несколько купюр.

— Здесь нет магазинов, — пояснила она. — Только рынок. Зураб сказал, там есть всё. Даже свежий хлеб.

Мара взяла деньги, надела куртку и вышла. Алла слышала, как хлопнула дверь. Скрипнула калитка. Через минуту во дворе залаяла собака. Та самая, о которой говорил Зураб. Алла не знала, что делать. Она могла бы осмотреть отель, составить список необходимых работ. Но не понимала в ре-

монте. Ничего. Она могла бы позвонить бывшему мужу и высказать ему всё, что думает. А зачем? Крайне нервозатратно и бесполезно. Поэтому она сидела и ждала.

Мара вернулась через час. Принесла пакет с хлебом, сыром, помидорами и бутылкой молока. В руках у неё была ещё какая-то папка, которую она протянула матери.

— Вот, — довольно доложила она. — Я была на рынке. Поговорила с поставщиком стройматериалов. Дядя Саша. Он обещал нам скидку.

— Как ты это сделала? — изумилась Алла.

— Сказала, что мы из Ноябрьска. Что у нас там — минус пятьдесят и медведи. Он сжалился. — Мара улыбнулась. — Ну и я торговалась. Так что он обещал скидку.

— Ты торговалась? Ты не умеешь торговаться.

— Умею, — парировала Мара. — Я смотрела, как ты это делаешь. Никогда не платишь полную цену.

— Это другое! Я торгуюсь на рынке, за овощи.

— А это тот же рынок, только овощи называются «цэмент». — Мара села на пол, открыла папку. — Тут цены на всё. Доски, трубы, краска. Я записала.

Алла посмотрела на цифры. Они были примерно такими же, как в интернете. Она сложила всё в уме, прибавила транспорт, работу (если нанимать рабочих). И взялась за виски. Цифра выросла до такой суммы, что у неё закружилась голова.

— Это всё? — слабым голосом спросила она.

— Стройматериалы, первой необходимости, — покачала головой Мара. — Там ещё трубы. И крыша. Электрика. Коммуналка. И налоги. Ты помнишь про налоги?

— Боже, — прошептала Алла. — У меня не хватит денег.

— Хватит, — уверила ее Мара. — Мы не будем делать всё сразу. Только самое нужное. Крыша, чтобы не текло. Трубы, чтобы вода была. Электричество — чтобы не убило. А всё остальное — постепенно.

Алла посмотрела на дочь. Мара сидела на полу в пыльном номере, старой футболке, с блокнотом и ручкой в руках. А выглядела так, будто всю жизнь занималась расчетами.

— Откуда ты все это знаешь?! Уму непостижимо! — спросила Алла.

— Смотрю на тебя, — пожала плечами Мара. — Ты всегда умела экономить. Я просто учусь.

— Я сэкономила, чтобы купить тебе тетради и хлеб. А ты экономишь, чтобы купить унитазы.

Мара засмеялась.

— Между прочим, я нашла новые унитазы. Белые. Сейчас скидка. Если мы возьмём двенадцать штук, нам отдадут по цене десяти. Я договорилась.

Алла смотрела на неё и не знала, плакать или смеяться. Она выбрала смеяться.

— Ты договорилась о скидке на унитазы? Ты реально договорилась о скидке на унитазы?

— Да, — гордо ответила Мара. — Я сказала, что мы от-

крываем отель. И нам нужны унитазы. Он такой: «Зачем тебе столько?». Я говорю: «Але! У нас двенадцать номеров». Он сказал: «Ты серьёзно?». Я ему: «Да, серьёзно. Мы из Ноябрьска. У нас там медведи». И он скинул цену.

Алла закрыла лицо руками. Она смеялась. До слёз. Мара смотрела на неё с улыбкой.

— Мама, — проворковала она, — ты смеёшься.

— Я не смеюсь, — пробормотала Алла сквозь смех. — Я плачу.

— А выглядит как смех.

— Это нервное. От счастья.

Они позавтракали хлебом с сыром и помидорами. Алла пила чай из кружки, которую нашла в подсобке. Классную, с отбитым краем и надписью «Крым — 85». Мара пила молоко прямо из бутылки. За окном орал петух. Что с ним поделать!

— Надо на рынок, — Мара поторапливала Аллу. — Дядя Саша сказал, что есть новые двери. Если возьмём сейчас, то сэкономим на доставке.

— Ты уже договорилась о доставке?

— Я договорилась обо всём. — Мара широко улыбнулась. — Буду твоим менеджером и логистом. А ты — лицом отеля. Играй на пианино, улыбайся гостям. Всё остальное — моя работа.

Алла хотела сказать что-то вроде «ты с ума сошла», но передумала. Кто она такая, чтобы решать, что правильно для Мары? Дочь уже показала, что умеет решать. Все. Сама.

— Хорошо, — ответила Алла. — Будет, как ты скажешь. Но дай мне полчаса.

— Хорошо. Я пока схожу к дяде Саше, чтобы наши двери не уплыли.

Она вышла. Алла осталась одна, допила чай, помыла кружку в умывальнике. Вода шла с перебоями, но была. Прошла в фойе.

Там было светло. Лучи проникали сквозь пыльные стёкла, падая на пианино. Алла подошла ближе. Инструмент был таким же, как вчера.

Она провела рукой по крышке. Пыль снова осела на пальцах. Она открыла пианино, заглянула внутрь. Струны были целые, но некоторые покрылись ржавчиной. Молоточки стертыми, но звук вчера был чистым. Инструмент держался в строю.

— Ты прямо живой, — внезапно прошептала она инструменту. — Просто ждал.

Вдруг заметила, что на табурете, прямо перед инструментом, кто-то сидит. Старик. В выцветшей рубашке и сандалях, на босу ногу. Сидел молча, сложив руки на коленях.

Алла вздрогнула.

— Извините. Я вас не заметила. Здравствуйте, — она неуверенно поздоровалась с ним.

Старик не ответил. Он даже не повернул головы. Просто продолжал сидеть, глядя на чёрный корпус инструмента.

— Я Алла, — не зная, зачем представилась она. — Это

мы купили отель.

Старик молчал.

Алла хотела уйти, но что-то остановило. Она подошла ближе, села на соседний стул. Старик не обратил на неё внимания.

— Вы здесь живёте? — тихо спросила она.

За окном залаяла собака, замолчала. Петух на заборе тоже затих, прислушивался.

— Я приехала из Ноябрьска, — объясняла Алла. — Там холодно. А здесь тепло. Я никогда не видела такого света.

Старик повернул голову. Медленно. Как старая машина, которая долго стояла без движения. Глаза у него были светлые, почти прозрачные. Он смотрел на Аллу, видел её насквозь. Знал, кто она и зачем приехала.

— Живое, — проскрипел он сухим голосом. Как половицы в коридоре. — Не трогай его, пока не позовёт.

— Что? — удивленно переспросила Алла.

Старик покачал головой.

— Не сейчас. Со временем.

Он замолчал, снова глядя на пианино. Алла хотела спросить что-то ещё, но передумала. Она не знала, кто этот старик. Может быть, он был здесь всегда. Вдруг, он был частью отеля. Как стены или табличка «Морское чудо».

Она встала, собираясь уйти.

— Спасибо, — поблагодарила она.

Старик не ответил.

Алла вышла во двор. У калитки стояла Мара. Она смотрела куда-то в сторону. На её лице было странное выражение. Смесь любопытства и раздражения.

— Что случилось? — спросила Алла.

— Девочка, — ответила Мара, показывая на скамейку у забора. — Смотрит на меня как на врага народа.

Алла посмотрела. На скамейке сидела девочка. Лет шестнадцати, с короткой стрижкой, в растянутой футболке и джинсах. Она держала в руках телефон. Смотрела на Мару вызывающе.

— Ты чё, столичная? — небрежно спросила девочка, обращаясь к Маре.

— Я ноябрьская, — хмуро ответила Мара. — Это дальше. Девочка усмехнулась.

— Ноябрьская? Это где, на Севере?

— Да. Там минус пятьдесят.

— Ого, — девочка вытаращила глаза. Встала, подошла ближе. — Я Вика. Живу через дорогу. Ты здесь живёшь?

— Мы, здесь живём, — отмахнулась Мара, показывая на отель. — Мы теперь хозяева.

— Вы купили это? — Вика рассмеялась, но не зло. — Вы чё, с ума сошли? Там же крыша течёт.

— Мы починим, — прорычала Мара.

— Чем?

— Руками. Вот увидишь.

Вика оглядела Мару с ног до головы, потом посмотрела

на Аллу.

— Твоя мама?

— Да, — не смягчилась Мара.

— Красивая, — протянула Вика. — Как иностранка.

Алла смутилась.

— Мы из Ноябрьска, — улыбнулась она.

— Эт как заграница, — авторитетно кивнула Вика. — Там настоящая зима. Я никогда не видела снег. Только на картинках. А вы — видели.

— Видели, — подтвердила Мара. — Мы там жили. Всю жизнь.

— Круто, — восхитилась Вика. — Там, наверное, медведи?

— Есть, — подтвердила Мара. — Мы их кормим.

Алла хотела сказать: «Мы не кормим медведей». Мара незаметно пихнула ее в бок. Вика была впечатлена.

— Вы придумаете что-то? С этим отелом? — озадачилась Вика.

— Да, — сказала Мара. — Мы его откроем.

— Помочь? — поинтересовалась Вика. — Я красить умею. И папа у меня строитель. Только он бухает. Но если трезвый — то ваще, мастер.

— Поможешь, — Мара царственно взмахнула пальцем. — Приходи завтра. Покажу, что делать.

Вика кивнула и ушла, не прощаясь. Мара смотрела ей вслед.

— Странная, — задумчиво произнесла Мара.

— Хорошая, — покачала головой Алла. — Просто хочет дружить. Но не знает, как.

Они пошли на рынок. Бахчисарайский рынок был небольшим, крытым. Пахло там вкусно, Алла забыла о деньгах. Свежий хлеб, зелень, домашний сыр, мёд. Продавцы орали, торговались, хохатали. Мара втянулась в торговлю мгновенно. Она ходила от прилавка к прилавку, приценивалась, сравнивала, договаривалась. Пробовала!

— Мам, — сказала она, подходя к Алле, — я договори-
лась насчёт унитаза. Белые, двенадцать штук. Нам отдают по цене десяти.

— Ты уже второй раз об этом говоришь, — укорила ее Алла.

— Это важно, — отбилась Мара. — Унитазы — лицо отеля.

Алла засмеялась.

— Ты хочешь сказать, что лицо отеля — это унитазы?

— Да. Если унитазы синие — никто не приедет. А если белые — приедут. Психология.

Они вернулись в отель к вечеру. Мара тащила сумку с продуктами, которые купила на рынке. И новый блокнот, где записала все договорённости. Алла несла несколько книг, которые нашла в лавке у старьевщика. Очень полезных и нужных. «Как вести бизнес в малом городе», «Экономика для чайников» и «Крым: кулинарные рецепты».

— Мы будем учиться, — объяснила она. — И всё успеем.

— Нам нужен план, — отозвалась пыхтящая Мара. — Сделаю. Ремонт, открытие, клиенты. Они сидели на крыльце, ели хлеб с мёдом и смотрели на закат. Алла молчала. Она зашла в фойе. Пианино стояло на месте. Старика не было. Только пыль и тишина.

Алла села за инструмент, провела пальцами по клавишам. Она не думала о нотах — просто играла. Что-то простое, почти детское. Пианино отозвалось — чисто, мягко, без фальши. Она играла «Лунную сонату», которую знала наизусть с детства. И чувствовала, как уходит напряжение, старые струны отзываются на прикосновения. Она не заметила, как Мара заглянула в фойе. Увидела мать за инструментом и тихо закрыла дверь. Не стала мешать.

Алла играла, пока пальцы не устали. Потом поднялась, закрыла крышку и вышла во двор. Там, на заборе, сидел петух и смотрел на неё.

— Я вернусь, — погрозила она ему пальцем. — Я вернусь завтра. Поори мне еще.

Петух не ответил. Просто закрыл глаза и начал медленно засыпать, свесив голову набок.

Алла взяла телефон. На экране высветился пропущенный вызов. Сергей. Она перезвонила.

— Алла, — раздраженно сказал он. — Я звоню проверить. Как дела?

— Отлично, — беззаботно ответила она. — Море, паль-

мы, рай.

— Там нет моря, — почти крикнул Сергей. — Я знаю этот отель. Там нет моря.

— А я нашла, — отозвалась Алла. — Было не трудно.

Она положила трубку.

Завтра будет новый день. Возможно, всё придется начать сначала. Но это завтра.

А сегодня— спать.

Глава 5. ЗАМ ПО ОБЩИМ ВОПРОСАМ

Утро началось с того, что зазвонил телефон. Алла, которая только что проснулась и ещё не до конца поняла, где находится, потянулась к сумке. Н ащупала аппарат и посмотрела на экран. Номер был незнакомый, симферопольский.

— Алла Артуровна? — раздался в трубке женский голос, официальный и холодный. — Вас беспокоит Департамент по развитию туризма администрации города Симферополя. Нам необходимо обсудить вопрос о вашем объекте размещения.

— Объекте размещения? — переспросила Алла, чувствуя, как внутри закипает тревога. — Вы имеете в виду отель?

— Именно. «Морское чудо». Мы получили уведомление о смене собственника. В соответствии с программой поддержки малого бизнеса, вам назначен заместитель по общим вопросам. Иннокентий Валентинович. Он будет курировать ваш проект.

— Я не просила, — испуганно зачастила Алла. — Мне не нужен заместитель. У меня нет денег на зарплату.

— Это бесплатно. Для вас, — объяснил недовольный голос. — Программа поддержки. Иннокентий Валентинович

будет помогать вам на общественных началах.

— Но я не хочу, чтобы мне помогали, — возмутилась Алла.

— Это не обсуждается, — сообщил бесстрастный голос. — Приказ сверху. Иннокентий Валентинович прибудет к вам сегодня. Жильем, питанием и фронтом работы обеспечить обязаны вы. И еще. По окончании совместных действий, Иннокентий Валентинович предоставит полный отчет о вашей компетентности и целесообразности данного комплекса досуга. Или о не целесообразности. И тогда, будут приняты меры.

— Какие меры! — воскликнула Алла и вскочила. Дзынь — сказала блюдце в последний раз.

— Соответствующие! — прокаркал голос и отключился. Алла смотрела на телефон, сжимая его побелевшими пальцами. Что это за напасть!

— Мама? — раздался голос Мары. Она уже проснулась. Сидела на матрасе, натянув куртку на плечи. — Что случилось?

— Мне назначили «заместителя по общим вопросам», — убитым голосом сообщила Алла. — Какой-то Иннокентий Валентинович. Из администрации Симферополя. Они говорят, это программа поддержки. Принудительная. А если что, примут меры. Соответствующие.

Мара нахмурилась. Лицо её стало почти взрослым.

— Мам, эт шпион, — сообщила она. — У него там связи.

И кто-то всерьез хочет отель отжать. Вот они и посылают. Своего человека, чтобы он нам мешал.

— С чего ты взяла?

— С того, что мы в Крыму. С того, что бывший муж твой — чиновник. С того, что он тебя сюда сослал. Хочет, чтобы ты провалилась. А ты все не проваливаешься и не проваливаешься.

Алла хотела возразить, но слова застряли в горле. Мара была права. Сергей не просто дал денег. Он хотел, чтобы она исчезла. И если она вдруг выплывет — ему это не нужно. Не интересно.

— Мы не можем отказаться? — напряженно спросила Мара.

— Нет. Они сказали, это не обсуждается.

— Тогда будем работать с чем есть, — резюмировала сердитая Мара. — Если он враг — мы его раскусим и обезвредим. Если он просто дурак — будем использовать.

— Ты слишком цинична, для своих лет, — упрекнула Алла.

— Я реалистка, — Мара свела брови. — Это другое.

Они позавтракали остатками вчерашнего хлеба и сыра, вышли во двор и принялись ждать. Алла не знала, чего именно ждать. Может быть, человека в костюме, с портфелем и строгим лицом. Она ошиблась.

Через час к отелю подкатил чёрный внедорожник. Он остановился напротив таблички «Морское чудо». Точнее,

«орское чудо», потому что буква «М» всё ещё отсутствовала. Сначала из машины вывалились трое.

Первый был худым, прыщавым, в спортивном костюме на вырост. Он оглядел отель и присвистнул:

— Кент, ты чё, серьёзно? Это тот самый отель?

Второй — коренастый, в чёрном, с короткой стрижкой. Лицом, которое старалось казаться злым, но получалось просто хмурым. Он ничего не сказал. Просто кивнул и стал смотреть по сторонам с видом профессионального охранника. Который пока не понял, кого охранять.

Третий — неопределённого возраста и пола, с длинными волосами, собранными в хвост, в винтажных шмотках. Он достал телефон и начал снимать:

— Бро, это вайбово, честно. Винтажная архитектура, душа. Я чувствую контент.

Потом из машины вышел четвёртый.

Он был молодым, лет двадцати пяти, с идеальной стрижкой и лёгким загаром. Шёлковая рубашка — розовая, с рисунком. Пожалуй, стоила больше, чем весь отель. Брендовые кроссовки, белые, чистые, явно ни разу не касавшиеся земли. На запястье — часы, которые Алла не решилась бы оценить даже мысленно. Он поправил рубашку, оглядел двор с выражением человека, который случайно забрёл не туда. Но не хочет показывать, что ему неприятно.

Он увидел Аллу и Мару, и направился к ним. Походка была уверенной. Отрепетированной для таких случаев. Оста-

новился в двух шагах, поднял подбородок, сделал паузу — и заговорил.

— Кент.

Пауза. Он посмотрел в глаза Алле. Чуть приподнял подбородок выше.

— Кентуха. Кентхай. Кому не понятно — тот в танке.

Алла моргнула. Она слышала это и не верила своим ушам. Серьёзно? Он реально назвался Кентом? Её внутренний голос, который обычно молчал, вдруг ожил и заорал: «Кентхай? Боже, он реально придумал себе криминальную кличку. В двадцать пять лет. У него что, нет зеркала? Где его родители! Куда смотрит мать!»

Мара, стоящая рядом, наклонилась к уху матери и прошептала:

— Он чё, рэпер? А демо-запись есть? Ща зачитает.

Кент услышал. Повернулся к Маре.

— Я серьёзно, — рявкнул он. — Кент. Только Кент.

— Ага, — фыркнула Мара. — Кент. Кентхай. Слушай, а где твой мешок с деньгами? Или ты просто так, на общественных началах?

— Я заместитель по общим вопросам, — обиделся Кент, и голос его дрогнул. — Назначен администрацией.

— Администрацией, — повторила Мара. — А что ты умеешь делать? Ну, кроме того, чтобы называться Кентой?

Кент замялся. Он явно не готовился к такому вопросу.

— Я... ну, — протянул он. — Координирую. Я стратег.

Управленец.

— Стратег, — закатила глаза Мара. — Отлично. Тогда покажи стратегию. Вон там мешки с цементом, надо перенести в подсобку.

Она показала во двор, где Зураб уже разгружал привезённую с утра машину.

Кент посмотрел на мешки. Потом на свою рубашку. Потом на Аллу, потом снова на мешки.

— Ща, — скривился он. — У меня рубашка.

— Снимай рубашку, — велела безжалостная Мара. — Будешь всех кубиками на торсе очаровывать.

Алла вмешалась. Она не хотела, чтобы дочь уничтожала человека на глазах у всех. Даже если этот человек был замом, шпионом и сыном чиновника.

— Мара, оставь его, — указала она. — Пусть сначала освоится.

— Я освоюсь, — подтвердил Кент, и в голосе его появилась благодарность. — Я быстро учусь.

Он оглянулся на своих спутников. Трое парней стояли в стороне, ничего не делали, но комментировали.

— Кент, тут колхоз, — заныл прыщавый Толик. — Реально, колхоз. У них куры бегают.

— Это петух, — возмутилась Мара. — И он тебя клюнет, если будет надо.

Толик отступил на шаг, прячась за спину Паши. Паша ничего не сказал, просто сделал страшное лицо. Но петух не

испугался. Ленчик продолжал снимать на телефон.

— Бро, — обратился он к Кенту, — твой контент сейчас завирусится. «Мажор в сельской местности, часть первая».

— Отвали, — отмахнулся Кент, но беззлобно. Он повернулся к Алле. — Я могу посмотреть отель. Составить план.

— Составляй, — сказала Алла. — Но сначала познакомься с Зурабом. Он сантехник. Покажет, что надо делать.

— Зураб, — повторил Кент. — Русский?

— Грузин, — с достоинством ответил Зураб, появляясь из-за угла с гаечным ключом в руке. — Ты новый хозяин?

— Я зам по общим, — представился Кент.

— Кто? — переспросил Зураб.

— Заместитель по общим вопросам.

— А, — Зураб просветлел лицом. — Понял. Помощник. Ну иди, поможешь. Мешки таскать.

Он сунул Кенту в руки мешок цемента. Кент схватил его, но не рассчитал. Мешок выскользнул, упал ему на ногу и распоролся. Цемент просыпался на белые кроссовки. Они мгновенно превратились из «последней модели» в «последнюю модель после взрыва».

— Ай! — закричал Кент. — Тяжёлый!

— Он цемент, — Зураб оставался невозмутим. — Он должен быть тяжёлым. Бери аккуратнее. Руками, а не животом.

Кент смотрел на свои кроссовки. На лице его было выражение, которое трудно описать — смесь ужаса, обиды и растерянности. Он поднял глаза на Аллу, будто ждал от нее по-

мощи.

— У меня кроссовки, — вызывающе сказал он. — Новые.

— В Бахчисарае так. Пыль веков, знаете ли, — улыбнулась Алла. — Привыкайте.

Кент вздохнул, поднял мешок и поплёлся в подсобку. За ним шёл Зураб, который комментировал каждый шаг:

— Давай, давай. Плечи не горби. Ноги шире. Не девушка, не бойся.

— Не привык, — выкрикнул Кент, задыхаясь.

— Привыкнешь, — Зураб похлопал его по плечу. — Через неделю будешь таскать по два мешка. Сделаем из тебя человека.

Мара смотрела на это представление и не могла сдержать улыбки. Она наклонилась к матери:

— Мам, он бесполезен. Но красивый. Ты заметила?

Алла покраснела.

— Молчи!

— Не, а что?! Действительно, — подтвердила Мара. — Я бы даже сказала — фотогеничный. Ленчик правильно снимает.

— Мара, он шпион!

— Шпионы тоже бывают красивыми. Это классика. Джеймс Бонд.

— Это не Джеймс Бонд. Это мальчик в шёлковой рубашке! Папа сказал, он приехал. Следить и мешать. А сам не знает, как носить цемент.

— Тем более, — подитожила Мара. — За ним интересно наблюдать. Координатор! Стратег!

Алла вздохнула. Она не хотела признаваться даже себе, но дочь была права. Кент был красивым. В стерильной, модельной красоте, которая не имеет никакого отношения к реальной жизни. И было в нём что-то детское, почти трогательное. Даже губы надувал от обиды. Что его обижают. Взрослый парень.

— Иди, помоги ему, — велела Алла.

— Я? — удивилась Мара. — Помогать шпиону?

— Человеку. Он явно не умеет ничего и никогда не был в таких условиях. Если мы не научим его — будет только мешать.

— А он должен мешать, — скривилась Мара. — Это его работа.

— Тогда пусть мешает нам, делая что-то полезное.

Мара усмехнулась, но пошла в подсобку. Алла осталась одна. Она смотрела на чёрный внедорожник, который блестел на солнце. Кучку странных друзей-туристов. И думала о том, какую глупость она совершила. Купить отель без денег, опыта и плана. Приехать в чужой город, где все знают всех. И получить в придачу «заместителя по общим вопросам», который не может отличить цемент от сахара. При этом его же еще и кормить надо! А всю его компашку она кормить не будет, еще чего не хватало. Пусть как-то так. Сами!

Странно, но она не жалела.

Зашла в фойе. Пианино стояло на месте. Алла села за него, открыла крышку и провела пальцами по клавишам. Инструмент отозвался тихим, чистым звуком. Она сыграла несколько аккордов, потом остановилась.

— Я вернулась, — прошептала она инструменту.

Пианино молчало. Но Алла знала — оно слышало.

В подсобке тем временем шла битва. Кент таскал мешки с цементом, Зураб комментировал, Мара стояла в стороне и наслаждалась зрелищем.

— Ты неправильно держишь, — орала Мара. — Надо двумя руками. И не на выдохе, а на вдохе.

— Я устал, — пыхтел Кент. — У меня руки болят. И я не обязан. Я — координатор! А не грузчик.

— У тебя рубашка испачкалась. — презрительно фырчала Мара. — И кроссовки. Поэтому ты и ноешь.

— Я не ною, — сказал Кент. — Выражаю дискомфорт.

— Выражай дискомфорт на улице, — Мара стукнула по пыльной стене кулаком. — Здесь работают.

Кент вздохнул, поднял ещё один мешок и понёс. На этот раз он держал его правильно — двумя руками, прижимая к груди. Зураб одобритительно хмыкнул.

— Учится, — похвалил он. — Будет из него толк.

— Через десять лет, — фыркнула Мара.

— Через месяц, — уточнил Зураб. — Парень умный. Просто избалованный.

Кент услышал и хотел возразить, но не нашёл слов. Он

просто понёс мешок дальше.

К вечеру он выглядел как человек, который только что пережил стихийное бедствие. Рубашка была испачкана цементом, кроссовки — в пыли, волосы растрёпаны. Он сидел на крыльце и рассматривал свои руки. Грязные, с потёртостями. Таких рук у него никогда не было.

Он достал телефон, набрал номер отца.

— Папа, — сказал он тихо. — Я тут.

— Что? — раздался голос Валентина Петровича. — Ты звонишь из отеля?

— Да. Я здесь. Они странные.

— Какие странные?

— Ну... одна — как бизнесвумен. Другая — играет на пианино. И у них есть сантехник, который заставляет меня таскать цемент.

— Иннокентий, — жестко ответил отец. — Ты должен делать свою работу. Мешать им. Подставлять. Или денег не получишь.

— Я знаю, пап. Я просто не понимаю, как мешать. Они чокнутые.

— У тебя есть мозги, — подсказал отец раздраженно. — Используй их. Разберись и найди слабое место.

Отец отключился. Кент смотрел на телефон, потом снова на свои руки. Он никогда не думал, что руки могут быть такими.

Он поднялся, зашёл в отель. В фойе горел свет. За пиани-

но сидела Алла и играла.

Кент остановился. Он не знал, что сказать. Он просто стоял и смотрел на неё.

Она заметила его и перестала.

— Устали? — сочувственно спросила она.

— Да, — признался Кент. — Интересный опыт. Но не для меня.

— Это полезно. Будете спать лучше.

— Я нормально сплю. — Кент помолчал. — Посижу здесь? Не буду отвлекать.

— Сидите, — разрешила Алла.

Она снова начала играть. Кент сел на стул у двери и смотрел на её руки. Они двигались по клавишам легко, почти не касаясь. Мелодия была тихой, печальной.

— Это Бах, — пояснила Алла. — Вы знали?

— Нет, — мотнул Кент головой. — Я не разбираюсь в классике.

— Вы не враг, — Алла покачала головой. — Вы просто не знаете, как быть полезным. Но это придёт.

Кент хотел возразить, но не смог. Он просто кивнул, поднялся и вышел во двор. Там его ждала машина. Фанаты-прихлебатели уже разъехались, оставив одного.

Он сел в машину, посмотрел на свои руки. Грязные, но целые. И вдруг почувствовал странное удовлетворение. Он впервые в жизни что-то сделал сам. Даже если просто перенёс мешок из точки А в точку Б.

Это было начало. Он не знал, чего именно. Но что-то начиналось.

Зажглись фары внедорожника. Машина развернулась и исчезла за поворотом, оставляя Аллу и Мару у входа в отель. Двор погружался в темноту, и только из окон отеля струился тусклый жёлтый свет.

— Мам, — спросила Мара, глядя вслед уезжающей машине. — Он вернётся?

— Думаю, да, — ответила Алла. — Он же зам по общим вопросам. Ему же надо нам мешать.

— Он не умеет, — вздохнула Мара. — Он умеет теперь таскать мешки и хныкать.

— Значит, придется научить его нам мешать. Господи, что я говорю! А что делать? — улыбнулась Алла. — Или хотя бы не быть врагом.

Она взяла дочь за руку и повела в отель. Завтра будет новый день.

Приедет Кент, или Кеша, или Кентхай — неважно. И они продолжат делать невозможное.

И, может быть, на этот раз им повезёт. Как знать!

Глава 6. ПЕРВАЯ НОЧЬ НА КРЫШЕ

Алла не спала. Она лежала на голом матрасе, смотрела в потолок. Слушала, как за стеной дышит Мара. Ровно, глубоко — дочь спала, забывшись после бесконечного дня. Полного цветных и белых унитазов, цемента и странных людей.

Но Алла не могла уснуть. Мысли лезли в голову, как тараканы в старой ноябрьской квартире. О деньгах, которых не хватало. Ремонте, который не начинался. Бывшем муже, который явно не оставил её в покое. И о нём. Мальчишке в шёлковой рубашке, который приехал мешать ей. А вместо этого таскал мешки с цементом и смотрел на свои руки так, будто они принадлежали кому-то другому.

Она встала. Накинула старый свитер. Толстый, который здесь, в южной ночи, был совершенно неуместен, но другого не было. Вышла из номера, прошла по коридору, прислушиваясь к скрипу половиц. Дверь во двор была открыта. Алла вышла на улицу и посмотрела вверх.

Крыша. Там, наверное, тихо. Не слышно Мары, Зураба, петуха. Который, наверное, спал, но Алла не была в этом уверена. Она нашла лестницу, ведущую наверх, и начала подниматься. Ступени были деревянными, шаткими. На третьей

она чуть не провалилась, но удержалась за перила.

На крыше было темно. Но не совсем — луна светила ярко. Звёзды были такими, каких Алла не видела нигде. Ни в Ноябрьске, с его вечным светом фонарей. Ни в Москве, с её небом, затянутым смогом. Здесь звёзды висели низко, почти касаясь головы.

Алла сделала шаг вперёд и замерла.

На крыше был кто-то.

Он сидел в старом шезлонге, который когда-то выбросили постояльцы, и смотрел на небо. В руке он держал бутылку вина — дешёвого, из местного магазина, судя по этикетке. Это был Кент. Без шёлковой рубашки, и даже без «Кентухая». Просто парень в футболке, с растрёпанными волосами и уставшим лицом.

Алла хотела уйти. Она сделала шаг назад, но он её заметил.

— Не уходи, — вполголоса сказал он. — Нас никто не слышит. Можем быть честными хотя бы здесь.

Алла замерла. Она смотрела на него, он смотрел на неё. Расстояние между ними было ровно три метра.

— Откуда ты знаешь, что я хотела уйти? — спросила она.

— Шаг назад, — ответил Кент. — Я видел. Иди сюда, сядь. Я не кусаюсь. Если ты не паук.

Она улыбнулась. Выдохом. Но он услышал.

— Это смешно? — спросил он.

— Нет, — ответила Алла. — Неожиданно.

Она подошла и села на другой табурет — сломанный, но держащийся. Расстояние не изменилось. Три метра. Алла смотрела на него, он смотрел на неё. Между ними установилось странное, почти детское доверие. Которое возникает между незнакомцами, когда они оба устали притворяться.

— Я не видела, ты когда вернулся?, — спросила она. — По ночам в чужих отелях ходят только с разрешения хозяев. И призраков.

— Ладно. Можно, я буду здесь? Временно. — усмехнулся он. — Плохо сплю. С детства. Когда в комнате темно, мне кажется, под кроватью кто-то есть.

— Детский страх.

— Знаю. — Он помолчал. — Ты тоже не спишь.

— Да. У меня много мыслей.

— О чём?

— О том, что я сделала. Купила отель. Приехала в чужой город. А теперь ещё и зам по общим объявился.

— Кент, — исправил ее он. — Меня зовут Кент.

— Помню. Кент. Кентуха. Кентхай.

— Звучит глупо, да? — спросил он. — Я думал, буду выглядеть жестче. А вы смеётесь.

— Мы не смеёмся, — открестилась Алла. — Нам почти страшно.

— Смеётесь, — обреченно протянул он. — Мара — точно. Она говорит «рэпер». Демо-запись. Смешно.

Он отвернулся, посмотрел на горы. Луна освещала их, де-

лала белыми, почти сказочными.

— Меня называли Иннокентий, — заговорил он. — Отец назвал в честь деда. Дед был священником. Я стеснялся этого имени с детства. Старое, глупое. Придумал Кента. Так проще.

Алла молчала. Смотрела на его профиль, линию челюсти. На то, как он сжимает бутылку вина. Ей хотелось сказать что-то правильное, но слова не находились.

— А тебя как зовут? — спросил он. — Я знаю, что Алла Артуровна, но по-настоящему?

— Вас. Зовут меня Алла. По-настоящему.

— Алла, — повторил он. — Красивое имя. Я бы назвал так дочь.

— Ты ещё молод для дочери.

— Мне двадцать пять, — гордо сказал он. — Многие в моём возрасте уже с детьми.

— А ты?

— А я — нет. Я ещё сам ребёнок. Отец говорит, что я застрял в детстве.

— Он прав?

Кент усмехнулся.

— Да, — противным голосом ответил он. — Папа прав. Я не умею ничего. Не умею готовить, не умею забивать гвозди. Даже чайник включить — научился только третий день. Я боюсь пауков.

Он помолчал.

— Я серьёзно. До дрожи. Если вижу паука, визжу как девочка-подросток. Отец очень бывает не доволен.

— Твой отец — чиновник, — напомнила она. — Он хочет, чтобы ты был успешным. Это нормально.

— Это не нормально, — ответил Кент. — Он хочет, чтобы я делал то, что он говорит. Это не всегда лампово. И часто приносит другим неприятности. Разной степени тяжести.

Алла замерла. Она знала, что он должен сказать это. Но когда сказал открыто, честно, она почувствовала странную боль.

— Мы здесь мешаем, — тихо сказала она. — И ты должен с этим разобраться. Пока, цивилизованно.

— Да, — ответил грустно Кент. — Но я не хочу.

— Почему?

— Ты хорошая. Играешь на пианино призрака и не боишься. Попала в плохую историю в Ноябрьске. Устояла. Теперь здесь. Пытаешься начать с начала. Не сдаёшься.

— Откуда ты знаешь?

— Я узнал. Существует интернет.

Алла молчала. Она смотрела в небо, где звёзды казались такими близкими, что можно было дотронуться.

— Тогда что ты будешь делать?

— Не знаю. Я должен делать то, что говорит отец. По многим причинам. Поэтому я пока просто буду таскать цемент и бояться пауков. И немного думать. Головой. А там посмотрим.

Алла улыбнулась.

— Ты сам-то странный, — удивилась она.

— Знаю. Ну какой есть.

— Странные люди — интересные.

Они замолчали. Цикады стрекотали, луна светила, ветер едва касался лица. Алла чувствовала, как напряжение уходит, и она начинает дышать глубже. Рядом был человек, который не судил и не ждал от неё ничего. Просто сидел и смотрел на звёзды.

— Расскажи о себе, — предложил Кент.

— Что именно?

— Всё. Что случилось.

Алла помолчала, собираясь с мыслями. Она никогда не говорила об этом ни с кем. Даже с Марой и подругами. Но глядя в небо и чувствуя рядом чужое, но не враждебное присутствие, она решила попробовать.

— Я была замужем двадцать лет, — сообщила она, вслушиваясь в свой голос. — Мой муж работал в нефтяной компании. Обеспечивал семью. Хорошо обеспечивал. Потом, стал заниматься политической деятельностью. Немного. Я учила детей играть на пианино. Чуть-чуть играла сама. Мы жили на Севере, в Ноябрьске. Думала, что мы счастливы. А он встретил другую. Моложе. Красивее. Но просто уйти ему показалось слишком просто. А ситуация типовая и некрасивая получалась. Город Ноябрьск маленький. Поэтому нужен был повод. Чтобы бывшая не мозолила никому глаза и не

пользовалась поддержкой. Вот. После всего дал мне денег, чтобы я уехала. И желательно больше не приезжала. Сам он с ней в Москве. Но в Ноябрьске тоже бывает. Время от времени. Мое присутствие там было бы нежелательно.

— Ни хрена себе, — присвистнул Кент.

— Это жизнь, — Алла повела плечами, ей стало зябко. — Он не хотел делать мне больно. По крайней мере, так. Думал, что все пройдет быстро и почти безболезненно. Не получилось. Он просто хотел начать сначала. Без меня.

— А ты? Ты хотела начать сначала?

— Не знаю. Я хотела уехать. Чтобы никто не спрашивал, что там у нас произошло. Что за ужас. И почему я вдруг одна, без средств и мужа. Хотела забыть. Совсем.

— Забыла?

— Нет, — покачала головой Алла. — Но я учусь жить с этим.

Кент молчал. Глотнул вина прямо из горлышка бутылки.

— А ты ничего, сильная, — протянул он.

— Я не сильная, — отрезала Алла. — Но у меня есть дочь. И отель. А теперь еще и пианино.

— Ага, — повторил Кент. — Ты играла сегодня вечером. Я слышал. Красиво.

— Спасибо.

— Я не знаю, что классика так действует. Но я почувствовал что-то. Как будто я дома. Никогда не чувствовал себя здесь так. Дом у меня совсем в другом месте, очень далеко

отсюда.

Алле хотелось сказать ему, что он тоже не один. Наверняка у него есть кто-то, кто может понять. Но не знала, как.

— Спокойной ночи, Иннокентий, — пожелала она, поднимаясь.

Кент замер. Она впервые назвала его так — серьёзно, без насмешки.

— Спокойной ночи, Алла Артуровна, — чопорно склонил он голову и махнул над головой бутылкой с остатками вина.

Она пошла к лестнице. На ступеньках обернулась. Он сидел в шезлонге, в лунном свете, с бутылкой вина в руке. И смотрел. На неё.

— Ты завтра придёшь? — спросил он.

— Не знаю, — ответила она. — Смотря какой будет день.

Она спустилась вниз, прошла по коридору. Мара спала на матрасе, отвернувшись к стене. Алла легла на свой матрас и закрыла глаза.

Кент остался на крыше один. Он смотрел на пустой табурет, на котором сидела Алла. И чувствовал странную тяжесть в груди. Надел наушники и прибавил звук.

«Три метра, — пел бархатный голос, — Три метра до твоего сердца. Это целая пропасть, любимая. Давай, засыпем пропасть лепестками взглядов и вздохами встреч... Ладно, любимая?»

Он не знал, что будет завтра. Он допил вино, поставил бутылку на бетон и лёг в шезлонге. Звёзды висели низко.

Одна из них мигнула ему, прощалась.

— Я ещё вернусь, — погрозил он звёздам. — Смотрите у меня тут!

Звёзды не ответили. Но он знал, что вернётся. Потому что, даже его дурацкое имя звучало здесь правильно.

А то ли еще будет.

Глава 7. НЕСУЩАЯ СТЕНА

Алла поняла, что месяц — это не срок. Приговор.

Она сидела за шатким столом в бывшем холле и смотрела на три листа бумаги. Список работ был написан её аккуратным учительским почерком. Каллиграфически выведенные буквы, которые так любила её бывшая завуч, сейчас выглядели издевательски. «Заменить проводку», «Демонтировать кладовку», «Оштукатурить стены», «Сантехника», «Кровля», «Крыльцо», «Окна». Пункт двадцать семь, пункт тридцать четыре, пункт сорок один. Всё горело. Не в переносном смысле — в прямом. Проводка в подсобке искрила так, что Мара на всякий случай держала ведро с водой рядом. Пока Зураб не увидел. И потом он гнал всех «этих баб-музыканш» от электропроводки поганой метлой. В буквальном смысле.

— Мам, ты чего не спишь вообще? — Мара появилась в дверях, сонная. — У тебя лицо человека, узнавшего, что его обманули с квадратными метрами.

— Я считала, — Алла потеряла переносицу. — По оптимистичным прогнозам, если Зураб будет работать как обычно, мы откроемся через полгода. Если чуда не случится — через год.

— Чудо — это когда тётя Рита не находит повод устроить скандал, — хмыкнула Мара, наливая себе чай из электрического чайника. Нового. — Так что не жди. Не будет.

В этот момент за окном взревел двигатель. И на двор, лихо развернувшись, заехал старый, но ухоженный «Соболь». Из него гордо вышел Зураб. В рабочем комбинезоне, с неизменной папиросой в углу рта. С видом человека, который видел развалины и похуже. И ничего, жив остался.

— Алла Артуровна, доброе утро, — кивнул с достоинством восточного мудреца. — Мои орлы прилетели.

Из кузова «Соболя» бесшумно выскользнули двое. Алла даже не успела понять, как они оказались на пороге. Молчаливые, сухие, с одинаковыми фанерными ящиками инструментов. Один — с хитринкой в глазах, второй — с лицом каменного изваяния. Зураб представил их коротко: «Ахмед и Рустам. Не говорите с ними по-русски, они вас не поймут. Просто показывайте пальцем. Я переведу». Орлы синхронно кивнули и принялись за дело с такой скоростью, что Алла на секунду поверила в успех.

А потом приехал он. Великий и ужасный. Понтовался открыто и безбожно.

Машина была слишком дорогой для этого двора. На этот раз белый «Порше Кайен». Который пробирался по разбитой брусчатке с таким видом, будто делал одолжение. Дверь открылась. Из салона, сладко потягиваясь, вывалился Кент.

Кентхай. Алла внутренне поморщилась. Сегодня на нём была белоснежная рубашка, вольно расстегнутая до пупа, идеальные брюки и кроссовки. Которые стоили больше, чем месячная зарплата Зураба. Волосы уложены, пахнет дорогим парфюмом. Что-то очень спортивное.

— Ну, и чё, — величественно произнес он, оглядывая стройку. С видом ревизора. — Работаем?

Мара, которая в этот момент выносила мусорное ведро, закатила глаза. Но промолчала. Алла подошла к нему, протянула листок.

— Иннокентий, твоё первое задание. Вон там, — она указала на дверь в глубине коридора, — кладовка. Старая, захламлённая. Там стулья битые, двери старые, коробки с бумагами. Всё это нужно вынести и разобрать. Если там что-то ценное — отложить. Остальное в мусор.

Кент взял листок, хмыкнул. На его лице появилось выражение человека, который сейчас совершит подвиг.

— Алла Артуровна, не парьтесь, — выдал он с легкой, чуть покровительственной ухмылкой. — Я всё разрулю. У меня, ну, скиллы.

Мара фыркнула в ведро.

— Какие скиллы, Кентуха? Навыки открывать шампанское?

— Работать, — обиженно ответил он. И, круто развернувшись на пятках своих идеальных кроссовок, скрылся в ко-

ридоре.

Алла проводила его взглядом и тяжело вздохнула. Она почему-то сразу поняла, что это плохо кончится. Интуиция опытного педагога безошибочно определяла, кто из учеников выучит этюд, а кто ломает пианино. Просто пытаюсь сесть на стул. Кент, определённо, был из вторых.

Через час раздался страшный грохот.

Сначала Алла подумала, что это Зураб с орлами роняет ящики с плиткой. И чуть не умерла. Потом она услышала крик. И чуть не умерла второй раз. К счастью, крик и хруст были скорее удивлёнными, чем от мучений. Хруста тоже было много. Она выбежала из комнаты, перепрыгивая через ведра с краской, и рванула по коридору.

Пыль стояла столбом. Сквозь туман Алла увидела зияющую дыру в стене. Нет, не дыру. Арку. Или пролом. Кругом валялись обломки кирпичей на полу. Арматура щетинилась вверх, ребрами доисторического зверя. А по середине этого апокалипсиса стоял Кент. Весь серый от бетонной пыли, с ног до головы. В его руках был промышленный перфоратор. Рядом, на полу валялась огромная кувалда. Он смотрел на разрушение с абсолютным ужасом. Обреченного человека.

— Что?! Вы сделали?! — задушенный вопль Аллы прозвучал хрипло. Она просто пыталась артикулировать факт разрушений. Интонацией человека, у которого нет больше

сил удивляться.

Кент открыл рот, закрыл. Потом выдавил:

— Я... хотел снести эту дохлую кладовку. Там был тупой угол. Ну я туда. Чутка постучал, она вообще не шевелится. Не поддаётся. Я её немного того, перфом прошелся. Решил добавить мощи. А она как бабахнет! И вот... Тут такой треш. Я не в теме был, клянусь! Вообще не шарил!

— Угол, — с ледяным вайбом повторила Алла.

— Ну ага. Стена была древняя. Я думал, она вообще не в деле, можно сносить.

— Вы подумали! — Алла начала жестко душить, и уже не могла остановиться. Её голос пошёл по нарастающей. — Иннокентий! Это была не просто хлипкая перегородка. Это была несущая стена, идиот! Ой, простите.

Он моргнул. Пыль облаком слетала с его длинных ресниц.

— Несущая?

— Несущая, — рывкнула Алла, и на этот раз голос сорвался в крик. — Она держит потолок! И второй этаж! Она, возможно, держит всё здание! Вы что, не видите, из чего она сделана? Это же старая кладка!

Кент попятился, споткнулся о ведро и чуть не упал. В его глазах мелькнула паника. Он хотел что-то сказать, но только развёл руками: «Я же не знал...».

На шум прибежал Зураб. Увидел пролом. Приложил руку к сердцу с большим чувством. Традиционный жест, озна-

чающий: «Аллах, дай мне сил». Потом заломил руки на восточный манер и заговорил быстро, с трагическими нотками:

— Алла Артуровна, что же делается? Эта стена... она же крепостная. Ей триста лет. Теперь крепить надо. Армировать. Связывать. Дорого, — он сделал паузу. — Очень дорого.

— Сколько? — хрипло спросила Алла и вцепилась пальцами в горло. В свое.

Зураб почесал за ухом и назвал сумму. Алла почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она вложила в этот отель всё. Все деньги вырученные после продажи квартиры и откупных мужа. Половины денег уже не было.

— Это катастрофа, — пробормотала она, обращаясь скорее к себе. — Полная катастрофа.

Мара появилась из ниоткуда. Как всегда, в самый нужный момент. Она оглядела разруху, перевела взгляд с пролома на перепуганного Кента, потом на мать. И вздохнула.

— Мам, — распорядилась она деловито. — Сначала успокойся. Вдохни. Выдохни. Не стена, а ерунда.

— Зураб, — она переключилась на строителя-сантехника. И командира орлов. Теперь в ее голосе зазвенели стальные нотки переговорщицы, — давай-ка отойдём. Не на глазах же у всех.

Зураб нехотя последовал за Марой. Алла слышала приглушённые голоса. Мара говорила быстро, нажимая на ка-

кие-то неведомые рычаги, сыпала названиями материалов и именами поставщиков, скидками, акциями. И: «Вы же понимаете, мы только начинаем. У нас бюджет, а вы — лучший специалист в городе. Кто, если не вы?». Зураб, который ещё минуту назад продавал ремонт по цене золота, через пять минут вышел с несколько растерянным видом. И пошёл куда-то звонить. Может быть, своим поставщикам. Видимо, договорились.

Мара подошла к матери и тихо произнесла:

— На сорок процентов дешевле, чем он называл. И с гарантией. Не переживай.

Алла посмотрела на дочь. На её детском лице уже появилось взрослое выражение. Которое рано появляется у детей, чьи родители перестают справляться. Ей стало стыдно.

— Ты моя умница, — растерянно умилилась она и чмокнула свою бизнес-вумен в висок.

— Знаю. А этот... — усмехнулась Мара и кивнула на Кента, который всё ещё стоял у пролома и напоминал нашкодившего щенка, — пусть отдохнёт. Напугал он себя достаточно. И всех остальных заодно.

Кент, услышав это, попытался возразить. Он взял кувалду, чтобы убрать, но споткнулся об арматуру и чуть не завалялся в пролом. Зураб своим телом закрыл от него производственный перфоратор. Орлы Зураба, до этого бесстрастно наблюдавшие за сценой, синхронно вздохнули и отверну-

лись. Мара закатила глаза.

Весь оставшийся день Кент ходил тихий-тихий. Он пытался помочь. Приносил воду, подавал инструменты, пытался вынести мусор. Но каждый раз что-то шло не так. Он уронил ящик с гвоздями, разбил банку с краской, влез не в ту дверь. Пробыл в туалете час, потому что не мог понять, как открывается задвижка. Зураб на него уже не смотрел. Он делал вид, что Кента не существует. Иначе, показывал всем видом, может и не пережить этот нелегкий день. Мара подкалывала беззлобно: «Кентхай, ты бы лучше фантики собирал. Или ракушечки, меньше ущерба». Кент молчал. Он отворачивался и шёл выполнять следующее поручение, сжав зубы. И нанося очередной ущерб.

К вечеру Алла устала. От пыли, криков, бесконечных смет и чувства вины. Которое она остро испытывала перед дочерью. Она спустилась в холл, где Кент сидел на корточках и собирал осколки кирпича в ведро. Его белая рубашка теперь была серой, идеальные брюки — в грязи, а волосы торчали во все стороны. Он выглядел несчастным.

— Иннокентий, — тихо позвала она.

Он поднял голову. В его глазах была такая искренняя вина и растерянность, что Алла забыла о злости. Бедный чей-то ребенок.

— Иди уже, — сказала она мягче, чем планировала. —

Отдыхай. Завтра начнёшь заново.

Он моргнул.

— Вы не увольняете меня?

— Уволю, но не сегодня. — призналась Алла. — Иди, Кентхай.

Просиял. Собственно, в этом слове «Кентхай» не было смешки. Он поднялся, отряхнул брюки. Алла заметила, что идеальные кроссовки теперь покрыты цементной пылью, но он даже не взглянул на них.

Поздним вечером, когда рабочие разошлись, Зураб подошёл к Алле. Она стояла у окна с кружкой чая и смотрела на тёмный двор, где машина Кента одиноко белела в темноте. Зураб встал рядом, закурил свою вечную папиросу.

— Алла Артуровна, — сказал он задумчиво. — Этот мальчик.

— Что мальчик?

— Он не враг. Он... — Зураб поискал слово, покрутил пальцами, — дурак. Настоящий дурак.

Алла усмехнулась, но Зураб продолжил серьёзно:

— Я вам что скажу. Дураки полезнее умных, которые врут. Умный врун ломает вам жизнь и улыбнётся. А этот дурак сломал стену — и сам испугался больше вашего. Он не хотел. Вы видели его глаза? Он просто не знал.

— Значит, полезнее? — переспросила Алла.

— Иногда, — осторожно кивнул Зураб. — Я таких видел. Работают плохо, но душу вкладывают. Если его научить —

может и толк будет. Если нет...

Зураб пожал плечами и ушёл в темноту, оставив Аллу одну.

Она поднялась в свою комнату — тесную, с одним окном. Скинула туфли, села на край кровати и уставилась в стену. Ей надо было злиться. Думать о деньгах, сроках. О том, что открытие отеля снова откладывается. Но она вспомнила лицо Кента, когда рухнула стена. Испуганные глаза, кувалда на полу и полная растерянность. Это было почти смешно.

Она прикусила губу, пытаясь сдержать улыбку. Но все равно прорвалось. Сначала уголки губ, а потом она закрыла лицо руками и засмеялась. Тихо, почти беззвучно, чтобы никто не услышал. Смеялась над абсурдностью, кувалдой, его белыми кроссовками. Потом остановила себя. Собралась. Посмотрела в темноту и строго сказала себе:

— Он дурак. И стена несущая. Это не смешно.

Но улыбка вернулась. И Алла позволила ей быть. В темноте, когда никто не видит. Думала: «Может быть, Зураб прав. Он и правда не враг. Просто тот, кто ломает несущую стену. И при этом будет самым честным человеком на этой стройке». От этой веселой мысли она поежилась. Вот уж спаси и сохрани. Не надо больше.

Завтра будет новый день. И другая стена, которую надо крепить. И следующий умелец, который, снова что-нибудь ломает. Но почему-то это уже не казалось катастрофой. Просто жизнь. Смешная и нелепая. Как всё, что с ними про-

исходит.

За дверью, на лестнице, послышался тихий звук шагов. Кто-то поднимался на второй этаж. Алла удивилась. Ей казалось, что Мара уже легла.

И почему-то чувствовала, что всё будет хорошо.
Правда же?

Глава 8. ПАПОЧКА НА СВЯЗИ

День начался как обычно — с шума, пыли и нелепых происшествий. Зураб уже всю колдовал над разбитой стеной, его «орлы» таскали цемент. Мара куда-то убежала договариваться с поставщиками. Алла пыталась разобрать бумаги, оставшиеся от прошлых владельцев. Кент сидел в машине, делая вид, что проверяет какие-то документы. На самом деле он просто пялился в одну точку и перебирал пальцами руль.

Телефон зазвонил резко, как выстрел.

Кент вздрогнул, посмотрел на экран и замер. «Папня. Ну, трындец». Он хотел сбросить вызов, но знал, что будет только хуже. Валентин Петрович не любил, когда игнорируют его звонки. На втором пропущенном, он уже звонил личному водителю и требовал отвезти его. К сыну. На третьем — просто приезжал сам. С охраной. Выглядело эпично. Но стыдно было ужасно. Поэтому Кент принял вызов и прижал телефон к уху.

— Иннокентий, — грозный голос отца предвещал бурю. — Я ждал твоего отчёта.

— Папа, привет, — ответил Кент, стараясь говорить спокойно. — Я как раз собирался позвонить.

— Собирался, — повторил отец. — Собирался — это три дня. Три дня, Кент. Ты там работаешь или отдыхаешь?

Кент сжал руль так, что пальцы побелели. Он ненавидел, когда отец называл его «Кентом». Это звучало как издёвка. Как будто он был клоуном, который сам придумал себе смешную кличку. И теперь все над ним смеются.

— Я работаю, — отчеканил Кент. — Всё идёт по плану.

— По плану? — Отец усмехнулся. — Какому плану? Ты должен был заставить её подписать бумаги. Вывести её из бизнеса на раз-два. Она музыканша, учителька. Эфирное создание. И что? Ты, насколько я знаю, таскаешь мешки и пялишься на неё.

— Откуда ты знаешь?

— У меня есть глаза, — рявкнул отец. — Даже в Бахчисарае. Ты думал, я не узнаю, чем ты занимаешься? Ты — мой сын. Все твои делишки — моя репутация. И осторожней там. Она, я так понимаю, спец по малолеткам. Куда валится мир! Кто бы мог подумать. Ну да, нашим легче. Значит для тебя она доступнее.

Кент молчал. Он правда смотрел на Аллу. Слишком часто и пристально. Действительно таскал мешки. Это было лучше, чем делать то, что приказал отец.

— Она подписала документы? — спросил отец раздраженно.

— Нет ещё, — ответил Кент. — Но я работаю над этим. Просто бумаги долго идут.

— Бумаги не идут, Кент. Бумаги лежат в столе. — Отец сделал паузу. — Ты должен мешать ей. Ты понял? Мешать.

Или ты забыл, кто платит за твои игрушки и дружков?

— Нет. Не забыл, — промямлил Кент.

— Делай свою работу. Или я перекрою финансирование. Тебе понятно?

— Да, папа.

— Не подведи меня, — сказал отец и отключился.

Кент сидел неподвижно, глядя на телефон. Экран погас, отражая его собственное лицо — бледное, с напряжённой челюстью. Он хотел что-то разбить. Закричать. Выйти из машины, сесть в самолёт и улететь так далеко, чтобы никто никогда его не нашёл.

Но он ничего не сделал. Просто сидел и смотрел на своё отражение.

Вышел Ленчик. Он уже полчаса ждал, пока Кент закончит разговор. Теперь подошёл с видом человека, который собирается дать гениальный совет.

— Бро, — втирал Ленчик, — слышал, ты там жёстко запарился. С папиками, короче, жёсткий кринж, да? Я в теме. Мой тоже вечно душит. Все на уши: «Найди работу, найди работу». А я вообще в творчестве, мне нужен вайб, муза, чтобы ловить инспирейшн.

— Чел, заткнись, — рыкнул Кент, сверкнув глазами так, что весь вайб моментально упал.

— Чё? Я просто хотел саппортнуть.

— Ты не саппортишь. Ты просто токсичишь. Сваливай давай. Кринжуй потихоньку.

Ленчик, конечно, надулся, но быстро слился. Кент снова остался в соло-режиме. Он смотрел на отель. На облезлые стены, на табличку «Орское чудо». Думал о том, нафига он вообще здесь околючачился. Как его вообще занесло в эту глушь. С какими-то странными людьми и непонятным чувством, которому он даже название подобрать не мог.

Но был у него чит-код. Имбовая такая штука. Нужно было просто набрать маман. И она из своей Каталонии тут такой движ папику устроит, что мало не покажется. Только вот финал этой истории известен наперёд. Она выставит ультиматум. Марш в эту дурацкую Каталонию, закрывай хотя бы колледж и женись на норм тёлке из хорошей семьи. Ну, например, на дочке соседа по землевладению. Те, кстати, уже согласны. И для бизнеса — мёрдж идеальный. И всё, гудбай вольная жизнь! Здравствуй, душнота, провинциальный перфекционизм и строгие традиции местных. Оно ему вообще упало?! Это не Ленчика гонять по отелям! Маман — женщина-бетон. Не отстанет. Продавит. Блин.

В окне машины появилась Алла.

Она вышла во двор, увидела его и подошла к машине. Кент опустил стекло, но не смотрел на неё. Он только вперёд, на сухой фонтан.

— Че надо? — резко бросил он. Не хотел быть грубым, но слова вырвались сами.

Алла не отступила. Она стояла рядом, опершись на открытую дверь. Смотрела на него, будто видела насквозь.

— Скажи, шпион ты или нет, — прямо спросила она.

Кент замер. Он ожидал чего угодно — вопроса о работе, ремонте, деньгах. Но не этого.

— Ну, а если да? — прогундосил он, не глядя на неё. — Че ты сделаешь? Выгонишь?

— Не знаю, — пожала плечами Алла. — Подумаю.

Кент повернулся к ней. Их взгляды встретились. На секунду, не больше. В глазах Аллы не было злости, только усталость.

— Не могу здесь оставаться, — бурчал он, усердно отводя глаза — Не сейчас.

Завёл машину, не глядя на неё. Алла отступила на шаг. Внедорожник взревел, развернулся и уехал, оставляя за собой облако пыли.

Алла смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри поднимается холод. Она не знала, что это — злость, обида или странная, почти болезненная пустота. Пошла в отель, стараясь не думать о том, что он только что уехал. И чем это может закончиться для них. Для всех, кто уже любил это «Орское чудо».

Кента не было два дня. Он не отвечал на звонки, не писал сообщений. Алла пыталась не думать о нём. Она работала. С утра до ночи — вместе с Зурабом и его орлами. С Марой, которая привозила стройматериалы и торговалась с поставщиками. Разбирала завалы, мыла окна, чистила унитазы. Новые и частично, старые. Так получилось. Она не позволяла себе

остановиться. Потому что как только она останавливалась — она начинала думать. А такое не прибавляло оптимизма.

В первый день она злилась. Как он мог уехать? Как он мог просто взять и исчезнуть. Даже не сказав, куда? Он был шпионом, она знала. Но он был ещё и человеком, который сидел с ней на крыше. Говорил о страхах.

Во второй день злость ушла. Осталась только тишина. Без Кента отель был пустым — не физически, а эмоционально. Не было его нелепых попыток помочь, испуганных глаз после очередной ошибки. Его детского: «Я молодец, между прочим». Только стук молотков и пыль.

Мара заметила.

— Ты скучаешь по нему? — спросила она вечером второго дня.

— По кому? — переспросила Алла, хотя знала ответ.

— По тому, кто снёс стену. Несущую. Чтобы было удобнее. По Кентхаю.

— Нет, — открестилась Алла. — Я рада, что он уехал. Теперь мы можем работать спокойно.

— Ты врёшь, — выразительно покачала головой Мара. — И скучаешь. Я вижу. Когда ты скучаешь, у тебя глаза, как у брошенного на улице котенка. Безднадежные. То есть, без надежды.

Алла хотела возразить, но не смогла. Она просто закрыла глаза и вздохнула.

— Пройдёт, — отмахнулась она. — Вернётся. Или нет. Не

важно.

— Важно, — рассердилась Мара. — Он вернётся. Я знаю. У него нет выбора. Но я бы на твоём месте не ждала его с распростёртыми объятиями. Он шпион, мам. И предатель. Ты помнишь?

— Помню, — подтвердила Алла. — Я всё помню.

Она легла на матрас, закрыла глаза. Перед ней возникло несчастно лицо Кента. Когда он смотрел на неё из машины. Она открыла глаза, чтобы прогнать видение. Потом закрыла снова.

— Дура, — раздраженно сказала она в темноту. — Мало тебе. Еще один скандал здесь, в Крыму, и тебе просто физически — конец. Ему двадцать пять. Он мальчик. Остановись. Он Маре в ухажеры годится. Боже, за что мне все это.

Но она не могла остановиться. Улыбалась. Вспоминала, как он сидел на крыше и смотрел на звёзды. Называл её по имени. Вспоминала, как он сказал: «Иннокентий». И размаживал полупустой бутылкой вина, сидя в старом шезлонге.

— Я схожу с ума, — прошептала она вслух.

Никто не ответил.

За стеной спала Мара. Алла перевернулась на другой бок, закрыла глаза и попыталась уснуть. Но перед глазами стояло его лицо — испуганное, детское, почти беззащитное.

«Ты шпион или нет?» — допрашивала она его тогда.

«А если шпион? Что ты сделаешь?»

Она не знала ответа. И никто не знал.

Кент тоже не спал. Сидел в своей квартире в Симферополе — пустой, стерильной, похожей на гостиничный номер. Вокруг были вещи, которые он купил, но никогда не использовал. Огромный телевизор, который он не смотрел. Холодильник размером с гардеробную, в котором лежали только вода и пиво. Круглая вращающаяся кровать, на которой он спал один. И как дурак смотрел на себя в зеркальный потолок.

Он смотрел на экран, перечитывал диалог с Аллой. Последнее сообщение: «Я на месте». Давно уже, было. Он тогда не ответил. Не знал, что.

Он думал о том, что она сказала ему: «Подумаю». Не выгнала его сразу. Не назвала его предателем. А могла бы. Подумаю. Лучше бы она просто орала. А это было вообще жестче, чем любой крик или токсик.

Он подошёл к окну и посмотрел вниз. Улица была пустой. Огни горели в окнах, но за ними не было жизни. Только праздное веселье и выкрики разгулявшихся туристов. Даже в ноябре. А туристический сезон все не заканчивался.

Он открыл чат с отцом. «Всё по плану», — написал он. Отправил. И убрал телефон в карман.

Он знал, что должен вернуться. Не потому что отец велел. А потому что там, в Бахчисарае, была жизнь, которая его притягивала. Там была женщина, которая назвала его Иннокентием. И от этого имени не хотелось убегать. Там был за-

пах цемента и строительного раствора. И черное старое пианино. Почему-то, все это походило на настоящий дом. Для него.

— Я вернусь, — тихо обратился он в подсвеченную иллюминацией темноту улицы. — Я просто не знаю, зачем.

Он лёг на кровать, закрыл глаза. Перед ним возникло лицо Аллы. Уставшее, тревожное, но очень светлое изнутри. Понял, что хочет её увидеть. Просто, только увидеть. И быть рядом. Остаться.

«Три метра, — ужаснулся он. — Всего три метра. А ведь целая пропасть».

Он не знал, как преодолеть такое расстояние. Но знал — он попытается. Даже, если это дорого ему обойдется.

На утро третьего дня Алла проснулась рано. Ей снился старик, сидящий за пианино и неторопливо перелистывающий ноты на пюпитре. Она вышла во двор, села на скамейку. Смотрела на сухой фонтан. В руках держала чашку с чаем. Горячим, крепким, почти обжигающим.

Она никого не ждала. Не позволяла себе ждать. Но когда услышала знакомый звук внедорожника — низкий, тягучий, — не удивилась.

Чёрная машина остановилась у ворот. Из неё вышел Кент. Уставший, с тёмными кругами под глазами, в той же футболке, что была позавчера. Разболтанной походкой подошёл к ней, остановился на расстоянии трёх метров. Смотрел прямо в глаза.

— Я здесь, — оповестил он окрестности.

— Я вижу, — подтвердила Алла. — Ты что-то решил?

— Да. — Он помолчал. — Я решил, что буду честным. Хотя бы с тобой. Я шпион и гад. Мой отец прислал меня, чтобы я тебе мешал. Его попросил твой муж. У них какие-то общие терки. Но я не хочу. Даже если это значит, что теперь я нищеврод. Как все. Вот.

Алла смотрела на него.

— Тебе будет очень трудно. Но, — медленно проговорила она, — Добро пожаловать в наш клуб!

— Знаю, — поморщился Кент. — Но все это неправильно. И мерзко.

Алла встала. Она подошла к нему — на расстояние вытянутой руки. И посмотрела в глаза.

— Тогда оставайся, — разрешила она. — И еще. Если у тебя есть хотя бы малейшее желание двинуться в мою сторону, забудь. У меня дочь. Я уже достаточно испортила ей жизнь. Своим отвлеченным мышлением и нелепой мечтательностью. Достаточно. И я сейчас очень серьезна. Очень. Это понятно?

Кент кивнул. Он хотел сказать что-то ещё, но не смог. Он просто стоял и смотрел на неё, чувствуя, как расстояние в три метра становится все больше и больше.

Она вернулась в отель. Он пошёл за ней. На расстоянии трех метров.

Хлопнула дверь, и отель вздохнул.

И снова стал живым.

Глава 9. БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ АД ОТ ДАШИ

Утро началось с того, что под дверью отеля нашли конверт. Мара принесла его в фойе, где Алла уже сидела за пианино, перебирая клавиши в поисках нужного звука. Конверт был официальным, с гербом и печатью. Алла вскрыла его дрожащими руками и прочитала вслух:

«Уважаемая Алла Артуровна! В связи со сменой собственника объекта размещения «Морское чудо» вам необходимо предоставить пакет документов для переоформления лицензии в десятидневный срок. В противном случае деятельность объекта будет приостановлена...»

— Это шантаж, — возмущенно воскликнула Мара. — Они специально! Хотят, чтобы мы уехали.

— Или просто бюрократия, — задумчиво произнесла Алла. — Я поеду в Симферополь. Надо разобраться.

— Я с тобой, — бросилась к ней Мара.

— Нет. Ты здесь, на хозяйстве. Зурабу нужна помощь с материалами. И Кент... — она запнулась, — В общем, за всеми нужен присмотр.

Мара раздраженно тряхнула челкой, согласилась. Алла взяла сумку, документы и вышла из отеля. Оставляя дочь

наедине с недоделанным ремонтом и, бог знает, с чем еще.

В Симферополе она нашла налоговую с трудом. Здание было серым, скучным, как все такие здания в городах. Внутри пахло офисной бумагой, дезинфекцией и безнадеей. Длинный коридор, двери с табличками. Очередь из людей с одинаковыми хмурыми лицами.

Алла взяла талончик и села на пластиковый стул. Ждать пришлось больше часа. Она смотрела на людей, которые проходили мимо. Думала, как странно устроена жизнь. Ещё пару месяцев назад она сидела в своей ноябрьской квартире и искренне считала, что всё кончено. По крайней мере, с ней. А теперь она в налоговой города Симферополя. Ждёт, когда её вызовут к инспектору, чтобы переоформить лицензию на отель. Которого, по сути, у неё нет.

— Алла Артуровна? — раздался голос из кабинета.

Она поднялась и вошла. Кабинет был маленьким, заваленным папками и бумагами. На столе стоял пыльный амулет. Что-то вроде веника с перьями, подозрительно похожий на магический артефакт. Рядом — календарь с котиками и кружка с надписью «Лучший инспектор года». За столом сидела женщина лет тридцати, в очках, с добродушным, но усталым лицом. На бедже написано «Дарья». Прекрасное славянское имя. Наверное.

— Садитесь, — указала она на стул. — Принесли документы?

Алла положила папку на стол. Даша открыла, пролистала,

вздохнула.

— Так, — задала она вопрос. — Справка из Роспотребнадзора есть?

— Нет, — сокрушенно ответила Алла. — Я не знала, что она нужна.

— Нужна, — подтвердила Даша. — Без неё мы не можем переоформить лицензию.

— А где её взять?

— В Роспотребнадзоре, — удивилась вопросу Даша, — Это на соседней улице. Только там очередь, вы не успеете сегодня. Вы лучше завтра придите. С самого утра. Прямо к 8.00.

Алла хотела что-то сказать, но Даша уже перелистывала документы дальше.

— И подписи нет, — отметила она. — Того человека, который подписывал предыдущие документы. Надо, чтобы он заверил копию.

— Но он уволен, — беспомощно развела руками Алла. — Я не знаю, где он.

— Это не мои проблемы, — беззлобно пожала плечами Даша. Просто констатация факта.

Алла чувствовала, как отчаяние внутри поднимается. Она смотрела на папку, амулет, календарь с котиками, и не знала, что делать. И куда теперь бежать.

— И копии паспорта нет, — продолжала Даша. — Надо третью страницу, с двух сторон.

— Там есть копия, — промямлила Алла.

— Нет, — уточнила Даша. — У вас копия первой и второй страницы. А надо третью. Там стоит штамп о прописке.

Алла открыла папку, проверила. Даша была права. Копии третьей страницы не было.

— Я не знала, — вздохнула Алла. — Я привезу. Завтра.

— Привозите, — обрадовалась Даша. Она помолчала, посмотрела на амулет, потом на календарь с котиками. — Дайте-ка гляну гороскоп.

Открыла календарь, на обратной стороне которого был напечатан гороскоп на каждый день. Алла с изумлением смотрела на это.

— Так, — хмурилась Даша, водя пальцем по строчкам. — Водолей? Вы Водолей?

— Нет, — отказалась от Водолея Алла. — Я Лев.

— Лев, — повторила Даша. — Сегодня вам везёт. Приходите завтра. У вас есть шанс.

— Прийти завтра — это везёт? — переспросила Алла.

— Да, — кивнула Даша. — Вчера был день, когда ничего нельзя было решать. А сегодня — можно попробовать. Только не забудьте справку и копию паспорта. И подпись того человека. Я буду ждать.

И когда Алла уже приблизилась к двери, Даша ее окликнула:

— Постойте! — и вдруг, покраснела как маков цвет, и смущенно добавила, — А правда, что у вас зам — сам Кентхай?!

Правда?!

Алла так задумалась над вопросом, где она будет теперь искать уволенного давным-давно исполнителя обязанностей с его незаменимой подписью, что просто рассеянно кивнула. И собралась уже выйти.

— Ой, ну подождите вы! — теперь в голосе Даши слышались умоляющие нотки, — А вы могли бы, завтра, чтобы он сюда пришел? С документами? Вдруг, ему как заму, нужно будет подпись поставить.

Алла еще раз кивнула и вышла из кабинета. Чувствуя, как внутри копится раздражение. Она хотела кричать, спорить, требовать, но понимала — бесполезно. Даша была добродушной, но бюрократический аппарат был сильнее.

В коридоре она села на стул, пытаясь собраться с мыслями. Рядом с ней сидела пожилая женщина. Она смотрела на Аллу с любопытством.

— Тяжело? — спросила она.

— Ещё как, — подтвердила Алла. — Я даже не знала, что столько всего нужно.

— Это нормально, — утешила ее женщина. — Здесь всегда так. Они любят бумаги. Это смысл их жизни.

Алла улыбнулась. Женщина была старой, морщинистой, с очень загорелым лицом и руками. В которых чувствовалась привычка к работе.

— Вы здесь работаете? — спросила Алла.

— Нет, — засмеялась женщина. — Я пришла за пенсией.

Всё не могут найти мои документы. Третий год ищут.

— Третий год?

— Да. А я не тороплюсь. Мне уже всё равно. — Она помолчала. — Вы из Бахчисарая? Из отеля? «Морское чудо»?

— Да, — удивилась Алла. — Откуда вы знаете?

— Здесь все про всех все знают. Я была его владелицей, — ответила женщина. — Продала пять лет назад. Не могла больше. Валентин Петрович выжил меня.

Алла замерла. Она смотрела на старушку и чувствовала, как внутри поднимается холод.

— Валентин Петрович? — переспросила она.

— Да, — сказала женщина. — Местный чиновник. Он хотел купить отель. Я не продала. Он начал давить. Налоговые проверки, жалобы, штрафы. В конце концов я не выдержала и продала дёшево. Он хотел, чтобы я ушла. И ушла.

— Но он не купил отель! — тихо возмутилась Алла.

— Он не купил, — согласилась женщина. Она наклонилась ближе и прошептала, — Ему не нужен был отель. Ему нужно было, чтобы его не было. Он всё скупает тут. Землю, дома, бизнес. Хочет, чтобы никто не мешал. — Берегись, милая. Он не отстанет, будет давить. Его метод.

Алла сидела неподвижно. Она смотрела на старушку и понимала, что всё, что происходило — было частью одного плана. Стратегии Валентина Петровича. Отца Кента. Какой ужас.

— Что мне делать? — спросила она.

— Бороться, — твердо ответила женщина. — Это единственное, что можно сделать. Не сдаваться. Иначе, он победит. А так не должно быть.

Она встала и улыбнулась Алле. И теперь уже не казалась такой уж старой и беспомощной.

— Удачи тебе. Помни: бюрократия — просто игра. Научись играть — выиграешь. И еще. Запомни, детка. Иногда, муж — голова. А жена — шея. Так вот, эта поговорка очень подходит нашему Валентину Петровичу. Очень.

Алла сидела и смотрела на дверь, за которой скрылась бойкая старушка. Думала о том, что она только что узнала. Валентин Петрович не просто хотел, чтобы она провалилась. Он хотел забрать отель. И Кент был частью этого плана.

Она вышла из налоговой, села на скамейку и достала телефон. На экране не было сообщений. Вечером Алла вернулась в отель. Уставшей, злой и растерянной. Документы, которые она должна была привезти, остались в Симферополе. Справки, подписи, копии — всё это казалось бесконечным лабиринтом, из которого не было выхода.

Она вошла в отель и сразу почувствовала запах. Запах кофе. Свежий, горький, почти обжигающий. Она прошла на импровизированную кухню и замерла.

У плиты стоял Кент. Он был в той же футболке, что и вчера. Смотрел на турку с выражением, которое бывает у людей, впервые увидевших сложный механизм. Вокруг него был страшный бардак. Разлитая вода, убежавшая пенка, грязные

ложки на столе. Он пытался варить кофе.

— Ты здесь? — удивилась Алла. — С чего бы это.

Он обернулся. Своим хитреньким виноватым лицом.

— Я же сказал, что буду мешать и все портить, — пробурчал он. — Вот, уже, порчу. Кофе варю неправильно.

Алла смотрела на него и не знала, что сказать. Она хотела спросить что-то важное. Но вместо этого подошла к плите, взяла турку, долила воды и поставила на газ.

— Ты делаешь не так, — ворчливо сказала она.

— Я знаю, — отозвался Кент. — Я никогда не варил кофе. Это первый раз.

— В первый раз всё получается плохо. — Алла помешала ложечкой, добавила чуть сахара и сняла турку с огня. — Пей. Потом скажешь, как.

Кент взял кружку, отпил. Лицо его исказилось.

— Горький, — пропищал он.

— Надо привыкнуть, — наставительно проговорила Алла. — Как и ко всему остальному.

Он смотрел на неё. Просто стоял и смотрел.

— Ты вернулась, — он не смело улыбнулся и захлопал своими ресницами. — Я не знал, когда ты будешь. Хотел, чтобы ты пришла и увидела, что я здесь.

— Я вижу, — мрачно ответила Алла. — Ты сварил кофе.

— Ужасный кофе.

— Ужасный, — согласилась она. — Но спасибо.

Кент улыбался все шире и шире. Просто сиял, как золотой

червонец.

— В следующий раз будет лучше, — уверил он.

— Надеюсь, — вздохнула Алла.

Она села на стул, взяла кружку и отпила кофе. Он был ужасно горьким. С привкусом, который невозможно было описать. Но она пила, потому что он старался.

Кент стоял у плиты, смотрел на неё. И расстояние в три метра казалось ему теперь почти преодолимым.

— Алла, — проникновенно выговорил он. — Я вернулся не потому, что папа велел. Хотел увидеть тебя. И всё.

Алла знала, что это честно. Но она знала и другое. А условия совместной работы и того, чего не будет ни при каких обстоятельствах, уже были высказаны. Со всей ответственностью.

— У меня есть отчество. Это раз. И на — вы. Один разговор на крыше ничего не меняет. Это два. Завтра мы вместе поедem в налоговую. Тебя очень хочет видеть молодая и заинтересованная инспектор Даша. И тебе придется потрудиться, чтобы все наши документы приняли и не гоняли нас больше по пустякам. Это три.

За окном темнело. Цикады начинали свою ночную песню. Кент стоял у плиты, Алла сидела за столом. Между ними было ровно три метра. Расстояние, которое невозможно было сократить.

— Мне женщина, бывшая владелица «Чуда», сказала, — Алла внимательно смотрела на притихшего Иннокентия. —

Что Валентин Петрович хочет забрать отель. Это правда?

Кент помолчал.

— Да, — неохотно ответил он. — Это правда. Он хочет, чтобы отель исчез. Ему нужен этот земельный участок. Уже давно. Да все что-то не срастается. А сейчас ему пообещали поддержку. Ваш бывший муж.

Он спокойно и честно смотрел ей в глаза.

— А ты что? — осторожно спросила она.

— А что, я? Завтра поедем в налоговую инспекцию к этой вашей Даше. Я думаю, что смогу о чем-либо договориться. Дальше — больше. Может, что-то и сдвинется с мертвой точки. Но ничего обещать не могу.

Алла качала головой, соглашаясь. Никто не мог ничего предсказать заранее. Никто и ни о чем.

Как нельзя было быть уверенным ни в ком до конца.

Кроме самых близких.

Самых-самых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.